

Санкт-Петербургский
государственный университет

1–3 марта 2000 г.

От редактора

Санкт-Петербургский государственный университет продолжает серию конференций по балтийскому языкознанию, начатую в 1998 году. Нынешняя конференция¹ посвящена исследованию одного из центральных компонентов языковой системы — морфологии и словообразования. Этим объясняется и большое количество учёных (из 8 европейских государств), откликнувшихся на приглашение участвовать в нашей конференции. Отрадно отметить, что научные связи возобновляются и в пределах России и СНГ: в конференции участвуют балтисты из Москвы и Киева.

Балтистика в Петербурге набирает силу. В октябре 1999 года произведён первый набор студентов старших курсов на дополнительную специализацию „Балтистика“, открытую на кафедре общего языкознания. Учебный план специализации, рассчитанный на 3 года, кроме практических занятий по литовскому и латышскому языкам включает большое количество лекционных курсов балтистического цикла (сравнительно-историческая и теоретическая сопоставительная грамматика балтийских языков, балтийская диалектология, история языка, древнепрусский язык и др.), а также спецкурсов по смежным дисциплинам (например, балто-славянские языковые отношения, элементы финноугроведения). В настоящее время по специализации занимается около 20 человек. Подготовив из числа сегодняшних студентов молодое поколение петербургских балтистов, мы надеемся через несколько лет открыть в СПбГУ самостоятельное отделение балтистики с пятилетним учебным планом.

¹ Организаторы конференции выражают глубокую благодарность руководству Российского гуманитарного научного фонда, при поддержке которого проводится конференция (грант номер 000414040г).

Конференции по балтистике в СПбГУ

(время проведения — первая неделя марта)

- 1998 г. Круглый стол «Балтийская филология»
- 1999 г. Фонетика и акцентология
- 2000 г. *Морфология и словообразование*
- 2001 г. Синтаксис
- 2002 г. Лексикология и лексикография
- 2003 г. Этимология и ономастика
- 2004 г. Историческая грамматика, история литературного языка
- 2005 г. Диалектология
- 2006 г. Стилистика и культура речи
- 2007 г. Психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика
- 2008 г. Круглый стол «Балтийская филология»: 10 лет спустя

Секретарь организационного комитета

Алексей Андронов

e-mail: baltistica@genling.lang.pu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания
Университетская наб., 11
199034 Санкт-Петербург, Россия
факс (7 812) 233 06 72

St.Petersburg State University
Philological faculty
Department of General Linguistics
Universitetskaya nab., 11
199034 St.Petersburg, Russia
fax (7 812) 233 06 72

Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург)

Статус инструменталиса в современном латышском литературном языке (к постановке вопроса)

Вопрос о статусе инструменталиса в современном латышском литературном языке является одним из наиболее горячо дискутируемых вопросов дескриптивной латышской грамматики. Цель настоящей работы — критически рассмотреть привлекаемые аргументы и, определив условия, влияющие на выбор той или иной трактовки, сформулировать задачу дальнейших исследований.

Падеж, как любая грамматическая категория, основывается на единстве грамматической формы и грамматического содержания². Из этого вытекает, что в языке могут выделяться лишь формально противопоставленные падежи, то есть не может быть двух падежей там, где нет двух разных форм. Здесь следует отметить, что, по-видимому, нет принципиальных оснований для традиционного ограничения падежных форм лишь синтетическими словоформами: основным критерием является возможность установить парадигму единообразно противопоставленных друг другу форм, а не способ образования этих форм [Касевич, 1977, 85–86]. Таким образом, нельзя заведомо отрицать падежный статус аналитических форм³, образуемых сочетанием предлога и имени.

Следует признать, однако, что в латышском языке сочетание предлога *ar* с именем не может быть названо аналитической формой. Это влекло бы за собой признание такого же статуса и у сочетаний имён с другими предлогами, так как между ними нельзя обнаружить формальных различий. Для классификации же всех подобных сочетаний как аналитических падежных форм нет оснований, так как такие сочетания не образуют замкнутой парадигмы: в сочетаниях с именами предлоги могут замещаться не только предлогами, но и наречиями, в результате чего нарушается требование однопорядковости противопоставляемых форм и положение о закрытости парадигмы [Касевич, 1988, 180].

Таким образом, вопрос может стоять лишь о том, являются ли формами творительного падежа собственно словоформы *draugu* (Sg.), *draugiem* (Pl.). Именно синтетические формы рассматриваются как формы творительного падежа в работах классиков латышского языкознания К.Мюлленбаха и Я.Эндзелина и в Академической грамматике: предлог *ar* лишь „часто поддерживает“ (*balsta*) форму творительного падежа [MLLVG-I, 401]. В школьной грамматике, напротив, практически применяется подход к инструменталису как к сочетанию имени с предлогом *ar* (в явной форме теоретически отстаиваемый в [Kalnača, 1999]).

Формы инструменталиса в известных случаях отличаются от форм accusativa (датива) прерывистым слоговым акцентом в окончании: у местоимений *tuô : tūo²* [Endzelīns, 1951, 526], у существительных *mai¹tūôm : mai¹tūom⁽²⁾* [Ābele, 1928, 25; Endzelīns, 1951, 417], у местоименных прилагательных *boltū : boltū, boltôm : boltôm*

² Существует и другое, менее традиционное понимание падежа, когда он трактуется лишь как элемент смысла, некоторое смысловое отношение, семантическая роль — независимо от способов выражения. Такой подход предполагает необходимость установления универсального набора этих смысловых отношений — задачу, не решённую на настоящем этапе развития языкознания.

³ О поправке к теоретическому пониманию аналитической формы см. [Касевич, 1977, 70; Касевич, 1988, 193].

[Zeps, 1995, 169]. Различие слогового акцента, однако, наблюдается лишь в некоторых говорах, — в литературном языке оно отсутствует [LVPPV, 27] и не имеет, следовательно, отношения к рассматриваемому вопросу. Кроме того, в большинстве говоров оно связано с противопоставлением не аккузатива (датива) и инструменталиса, а самостоятельных и постпрепозиционных форм [Zeps, 1995]⁴ (то же противопоставление, а не существование инструменталиса, иллюстрируют и формы типа *manim*, употребляемые после всех предлогов [Endzelīns, 1951, 630]).

Основную проблему представляет интерпретация случаев типа *iet lānu gaitu : iet lāniem suolīem*. Исследователи, отрицающие существование инструменталиса, обычно предлагают объяснять случаи беспредложного употребления идиоматизацией (например, [Fennell, 1975, 43]⁵). При этом непонятными оказываются, однако, явная внутренняя членимость и свобода замены компонентов таких идиоматических оборотов. Кроме того, кажется, не было специально исследовано, как много подобных новых единиц придётся ввести в описание языка при такой интерпретации.

Более универсальный подход предлагает А.А.Зализняк: в данном случае наблюдается ситуация, когда „одно и то же грамматическое явление может быть описано либо как наличие в языке особого морфологически несамостоятельного падежа⁶, либо как чисто синтаксическая особенность (наличие расчленённых правил управления для некоторых ситуаций)“ [Зализняк, 1973, 69]. Таким образом, вопрос состоит в выборе наиболее целесообразного из двух приемлемых для описания латышского склонения решений. А.А.Зализняк указывает на непоследовательность традиционной латышской грамматики: с одной стороны, данная ситуация интерпретируется при помощи введения морфологически несамостоятельного творительного падежа, с другой стороны, для в принципе аналогичной ситуации различного управления предлогов в зависимости от числа (*iz galda : iz galdiem*) отдельного падежа не постулируется, а признаются расчленённые правила управления [Зализняк, 1973, 70–71]. В пользу отказа от морфологически несамостоятельного творительного падежа говорит прозрачность условия, используемого в формулировке расчленённого правила управления (единственное : множественное число), а также тот факт, что употребление творительного падежа без предлога в современном латышском литературном языке весьма ограничено [Nītiņa, 1973].

Для окончательного выбора оптимального решения необходимо тщательно изучить все примеры беспредложного употребления, определить условия их функционирования, количество, отношение к случаям употребления с предлогом. Такое исследование поможет также оценить степень идиоматизации и целесообразность постулирования глубинных структур с предлогом *ar*.

⁴ Ср., однако, пример А.Абеле: *beî lils pòurs, ka maîtuôm dzeîvâ* [Ābele, 1928, 25] — без предлога.

⁵ Т.Г.Феннелл, привлекая понятия генеративной лингвистики, рассматривает также возможность использования правила факультативной или обязательной элизии на поверхностном уровне предлога *ar*, имеющегося в глубинной структуре [Fennell, 1975, 43]. При этом он отмечает неразработанность в литературе вопроса о беспредложном употреблении инструменталиса.

⁶ О морфологически несамостоятельном падеже говорят, если „соответствующая строка таблицы склонения не содержит ни одного сегмента, который бы не встречался (в пределах того же столбца) в какой-нибудь другой строке“ [Зализняк, 1973, 69].

Литература

- Ābele, 1928 — A.Ābele, M.Lepika. Par Apukalna izloksnēm. // FBR VIII. Rīga, 1928. — 19.–49. lpp.
- Endzelīns, 1951 — J.Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Fennell, 1975 — T.G.Fennell. Is there an instrumental case in Latvian? // Journal of Baltic Studies, Vol. 6, № 1, 1975. — pp. 41–48.
- Kalnača, 1999 — A.Kalnača. Lietvārdu locījumu formu paradigmātika latviešu valodā. // Vārds un tā pētišanas aspekti. Rakstu krājums 3. Liepāja, 1999. — 81.–97. lpp.
- LVPPV — Latviešu valodas pareizrakstības un pareizrūnas vārdnīca. Rīga, 1995.
- MLLVG-I — Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. Sēj. I. Rīga, 1959.
- Nītiņa, 1973 — D.Nītiņa. Aprepozicionāla izteiksme latviešu valodā. // Latvijas PSR ZA Vēstis, 1973, Nr. 2 (307). — 115.–119. lpp.
- Zeps, 1995 — V.J.Zeps. Latgalian instrumentals and ordinals. // Linguistica Baltica 4 (1995). Kraków, 1995. — pp. 169–172.
- Зализняк, 1973 — А.А.Зализняк. О понимании термина „падеж“ в лингвистических описаниях. I. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. / Отв. ред. А.А.Зализняк. Москва, 1973. — с. 53–87.
- Касевич, 1977 — В.Б.Касевич. Элементы общей лингвистики. Москва, 1977.
- Касевич, 1988 — В.Б.Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. Москва, 1988.

Maija Baltiņa (Ventspils)

Vārddarināšanas varianti un vārddarināšanas standarti latviešu rakstu valodā

1. Jau senākie teksti un pētījumi par rakstu valodu liecina, ka vārddarināšanas varianti ir būtiska rakstu valodas pazīme. (G.Mancelis, K.Fīrekers, E.Gliks, H.Adolfijs, G.Dreselis, J.Langijs)
2. Vārddarināšanas varianti atklāj vairākas iezīmes, kuras raksturo ne vien vārddarināšanas sistēmas attīstību, bet visu rakstu valodas veidošanos. Tās ir:
 - 1) attieksmes starp tautas runātajā valodā pastāvošo vārddarināšanas praksi un literārajai valodai vēlamo vārddarināšanas normu attīstību;
 - 2) vārddarināšanas modeļu variēšanās rakstu valodas ietvaros;
 - 3) variantums vārddarināšanas modeļu starpā;
 - 4) variantums atsevišķu vārddarināšanas modeļu ietvaros.
3. Arī vārddarināšanas standartu un standartizācijas izpausmes atrodamas jau senākajos rakstu pieminekļos, bet šo jautājumu izpēte aizsākas līdz ar rakstu valodas stilistiskās sistēmas apzinātu veidošanu un analīzi. (K.Mīlenbahs, A.Ozols, V.Rūķe-Draviņa u.c.)
4. Standartizācijas parādības plašāk skatītas produktīvo derivatīvo modeļu materiālā:
 - 1) verbālo un nominālo vārddarināšanas modeļu standartizēšana tipveida nosaukumu darināšanā;
 - 2) vārddarināšanas paņēmienu standartizēšana saistībā ar teksta izveides stilistiskajiem nosacījumiem;
 - 3) vārddarināšanas nozīmju standartizēšana saistībā ar kultūrvides prasībām un nosacījumiem.
5. Vārddarināšanas modeļos ar daudzveidīgu vārddarināšanas nozīmju sistēmu standartizācijas izpausmes rakstu valodā ir vairākas:
 - 1) tā ir saistīta ar atsevišķu vārddarināšanas nozīmju aktualizēšanos;
 - 2) tā ir saistīta ar konkrētiem nosacījumiem kultūrvidē;
 - 3) tā ir saistīta ar atsevišķu autoritatīvu paraugu ietekmi.

Аснате Баньгиере (Рига)

Анаптикса на грани морфем в неопределённой форме глагола

Одним из наиболее спорных вопросов, подлежащих решению при анализе так называемой земгальской анаптиксы в латышском языке, как известно, является вопрос о наличии или отсутствии генетической связи между этой анаптиксой и славянским полногласием (напр., *dar^ags* ‘дорогой’ и *дорогой*; *var^ana* ‘ворона’ и *ворона*). Однако существует по крайней мере один морфологически специфический вид земгальской анаптиксы, для которого возможность такой связи с полногласием представляется минимальной (если не нулевой). Это анаптикса в неопределённой форме глагола (с анаптиктической гласной между основой глагола и показателем инфинитива *-t*).

Иными словами, анаптиктическая гласная в данном случае находится на грани морфем — между корневой морфемой и флективной морфемой (*ar^at* < *art* ‘пахать’ в Ливберзе и в Бене; *ķer^et* < *ķert* ‘ловить’ в Цицере и в Лестене; *mi^rt* < *mirt* ‘умирать’ в Джуксте и в Пенкуле). Анаптиктическая гласная в неопределённой форме глагола возможна, конечно, и в других позициях, в середине корневой морфемы (*pir^akt* < *pirkt* ‘покупать’ в Букайши, в Платоне, в Залениеки, в Глуде, в Свете; *pir^rkt* < *pirkt* в Грамзде; *dzir^adēt* < *dzirdēt* ‘слышать’ в Бене; *mēr^ekt* < *mērkt* ‘мочить’ в Блидиене), однако анаптикса такого рода имеет, естественно, другую специфику, не соотносимую со спецификой анаптиксы на грани морфем.

Зарегистрированные примеры с анаптиктической гласной перед показателем инфинитива *-t* (в нескольких случаях также перед показателем возвратной формы инфинитива *-ties*) — это главным образом односложные глаголы с основой на *jo-* и на *sto-*, имеющие в центре слога тавтосиллабическое сочетание с *-r* или (значительно реже) с *-l*. В лингвистической литературе всего отмечено 17 таких глаголов (*art* ‘пахать’, *bārt* ‘бранить’, *bērt* ‘сыпать’, *birt* ‘сыпаться’, *burt* ‘колдовать’, *durt* ‘колоть’, *dzert* ‘пить’, *kārt* ‘вешать’, *kurt* ‘разжигать’, *ķert* ‘ловить’, *mirt* ‘умирать’, *spert* ‘лягать’, *vērt* ‘вдевать’, *kult* ‘молотить’, *gulties* ‘ложиться’, *smelt* ‘черпать’, *celt* ‘строить’), зафиксированных с анаптиксой в земгальских говорах.

Качество анаптиктической гласной в рассматриваемой позиции, по-видимому, не имеет причинной связи с качеством гласной, входящей в тавтосиллабическое сочетание. Так, например, глагол *durt* ‘колоть’ в разных говорах записан с анаптической гласной разного качества и разного количества — *dur^at* в Бене, *du^{r̃}t* в Блидиене, *durⁱt* и *du^{r̃}t* в Джуксте. Любопытно, что иногда тавтосиллабическое сочетание, несмотря на наличие последующей анаптиктической гласной, сохранило слоговую интонацию (*du^{r̃}t* в Яунпилсе, *du^{r̃}t* в Блидиене), в то время как в ряде других примеров слоговая интонация, по-видимому, не была слышна (*durⁱt* в Джуксте). Конечно, на точность записи не всегда можно полностью положиться, и достаточно часто указание или неуказание слоговой интонации остаётся на совести человека, записавшего соответствующий пример (о том, что аутентичность имеющихся записей далеко не всегда бесспорна, могут свидетельствовать также примеры с анаптической гласной разного количества — а иногда также разного качества — из одного и того же

говора, например, *dzert* ‘пить’ > *dzer't* и *dzer'ʔt* в Вилце. Однако в то же время, по-видимому, вполне реальным является выделение двух типов анаптиктической гласной в зависимости от её количества, а одним из существенных факторов, помогающих определить тот или иной тип, может послужить наличие слоговой интонации перед значительно редуцированной анаптиктической гласной (гласным элементом) и отсутствие этой интонации перед анаптиктической гласной полного типа. Эти же факторы, то есть судьба интонации и степень редуцированности гласной, являются во многом определяющими и при решении вопроса о том, следует ли учитывать анаптиктическую гласную при синхроническом морфемном членении слова.

Наличие обратного словаря латышского языка [LVIBV, 1976] даёт возможность количественно сопоставить рассмотренный нами материал со всем корпусом глаголов с финалью *-rt-* и *-lt-*, представленным в упомянутом словаре. Без учета префиксальных образований в обратном словаре приведено 22 глагола с *-rt-* (ср. 13 примеров с анаптиксой, или 59 %) и 20 глаголов с *-lt-* (ср. 4 примера с анаптиксой, или 20 %). Конечно, при целенаправленном дополнительном поиске диалектного материала с анаптиксой объём этого материала должен увеличиться, тем не менее приведённое процентное соотношение, несомненно, свидетельствует о реальной тенденции, то есть о том, что анаптикса в соответствующих земгальских говорах после *-l-* является относительно спорадичной, а после *-r-* — регулярной или почти регулярной.

Литература

LVIBV, 1976 — *Latviešu valodas inversā biežuma vārdnīca* / Sast. T.Jakubaite, V.Ozola, A.Rubīna, N.Sika. Rīga, 1976.

Рима Бацявичюте (Вильнюс)

Противопоставление двух типов *-i* во флексии существительных

1. В современном литовском литературном языке у имён существительных *i*-основы совпадают окончания Nom.Sg. *-is* (< **-i-s*) и Acc.Pl. *-is* (< **-ĩs*): например, *viena akis* ‘один глаз’, *tamsi naktis* ‘тёмная ночь’, *aukšta puðis* ‘высокая сосна’ и др. на первый взгляд произносятся совершенно так же, как и, например, *trina akis* ‘трёт глаза’, *dvi naktis* ‘две ночи’, *kerta puðis* ‘рубят сосны’ и др.

2. Однако в литовских диалектах у окончаний, различающихся по происхождению, встречаются не совсем одинаковые рефлексy. Давно замечено, что в северо-жемайтских говорах, где гласным литературного языка *i*, *u* соответствуют открытые *Ė*, *o*, закрытыми являются *i*, *u*, восходящие к **i*, **u*. В этих говорах хорошо различаются такие падежные формы, как Nom.Sg. *akĖs* ‘глаз’, *avĖs* ‘овца’, и Acc.Pl. *akis* ‘глаза’, *avis* ‘овцы’. Новейшие экспериментальные исследования показали, что те же падежные формы различаются и в южно-жемайтских говорах. Гласные *i*, *u* < **i*, **ɛ*, **u*, **ʏ* здесь тоже произносятся более закрыто, чем гласные иного происхождения, таким образом, формы Nom.Sg. *akis* ‘глаз’, *avis* ‘овца’ и Acc.Pl. *akis* ‘глаза’, *avis* ‘овцы’ тоже противопоставляются фонетически.

3. Уже предварительные эмпирические наблюдения показали, что окончания этих падежей звучат не совсем одинаково и в юго-западных аукштайтских говорах, на основе которых сформировался литературный язык. Окончание Nom.Sg. *-is* производит впечатление гласного более открытого и заднего, чем Acc.Pl. *-īs*. Эти наблюдения подтверждаются и предварительными экспериментальными исследованиями. Поэтому хотелось ещё раз экспериментально проверить эту гипотезу.

4. Для исследования с нужными парами слов были составлены краткие предложения, которые на магнитофонную ленту начитали несколько дикторов-мужчин, постоянно живущих на территории исследуемого говора. Затем запись была введена в память компьютера, вырезаны нужные звуковые сегменты и обработаны посредством программы *PRAAT386*, которая позволяет выполнить тщательный спектрографический анализ.

5. Получены такие данные (F_1 и F_2 — значения первых двух формант, C — индекс компактности, T — тональности, $дф$ — диффузности и $нп$ — напряжённости [по методике Р.Г.Пиотровского]):

Слово	F_1	F_2	C	T	дф	нп
<i>akīs</i> (Nom.Sg.)	512Hz	1579Hz	847	79	1067	91
<i>akis</i> (Acc.Pl.)	491Hz	1608Hz	839	108	1117	117
<i>ausīs</i> (Nom.Sg.)	473Hz	1460Hz	844	-40	990	35
<i>ausis</i> (Acc.Pl.)	470Hz	1492Hz	843	-8	1019	70
<i>puðīs</i> (Nom.Sg.)	483Hz	1517Hz	844	17	1034	34
<i>puðis</i> (Acc.Pl.)	469Hz	1537Hz	838	37	1068	68

6. Эти результаты подтверждают предположение, что и в юго-западных аукштайтских говорах гласные окончаний Nom.Sg. *-is* (< **-i-s*) и Acc.Pl. *-is* (< **-ī-s*) сохраняют качественные различия. Гласный окончания *-is* < **-ī-s* более напряженный, отличается большей диффузностью и более высокой тональностью. Различаются и значения формант. У гласного окончания Acc.Pl. выше значение второй форманты, которая связана с движением языка по горизонтали. Таким образом можно полагать, что язык, при произношении *-is* < **-ī-s*, более продвинут вперед, чем при произношении *-is* < **-i-s*. Различие между значениями первой форманты не такое значительное, но и они свидетельствуют о том, что гласный флексии *-is* < **-ī-s* отличается большей закрытостью, чем *-is* < **-i-s*.

Sturla Berg-Olsen (Oslo)

The role of morphological homonymy in the development of case patterns in Latvian

1. Preliminaries

Reduction of vowels in word-final syllables, leading to the loss of short vowels and the shortening of long ones in this environment, is a process characteristic of Latvian. In the nominal system of modern standard Latvian, the vowel reduction has resulted in the

merger of a number of case forms, so that there is homonymy between e.g. genitive plural and accusative singular or between genitive singular and nominative plural in large and productive declensional classes. In the Low Latvian dialect, the vowel reduction has been even more intense and has resulted in a high degree of homonymy between different case forms. Observations of contemporary spoken language in the Riga region suggest that the process of vowel reduction is still ongoing. My view is that the merger of case forms, resulting from vowel reduction, has played a key role in triggering and stimulating the ousting of the non-prepositional genitive in certain functions. This is then a good example of how the morphology of a language may change as result of phonological processes, these morphological changes in their turn contributing to changes in the syntax.

2. The syntactic change

Apart from its prototypical function of marking a relationship between nouns, the Baltic genitive case has a wide range of uses. However, a particular feature of Latvian (as opposed to Lithuanian) is the fact that the use of the genitive case is only facultative — and at times obsolete — in the less prototypical functions. This includes:

- *The use with certain quantifiers* (numerals and others) when the phrase occupies a nominative or accusative position.
- *The use as object case* **a)** when the verb is negated, **b)** when the verb is a member of the group traditionally said to govern the genitive case and **c)** when the object appears in an indefinite quantity.
- *The use as subject case* **a)** with certain negated existential verbs, most typically *nebūt* ‘not be’, **b)** with certain non-negated existential verbs and **c)** when the subject appears in an indefinite quantity.

For certain other, less central functions also affected cf. Berg-Olsen 1999.

3. The role of morphological factors in the change

A common trait of the functions where the genitive seems to be on the decline is that the language possesses parallel, more frequent patterns involving the nominative, the accusative or prepositional phrases (PPs) instead of the genitive. Thus by default, subjects are nominative-marked and objects accusative-marked (but also quite frequently realised as PPs). Most quantifiers behave as adjectives, agreeing with their quantified element rather than case-marking it, so that the quantified element receives the case normally associated with the syntactic position it occupies — e.g. nominative in subject positions and accusative in object positions. The homonymy in Latvian between a) genitive and nominative forms and b) genitive and accusative forms may have triggered the use of competing constructions in functions where the genitive was originally used, as well as contributing to the gradual ousting of the genitive by these competing constructions.

In modern standard Latvian the homonymy between genitive and other case forms is relatively limited, and in the productive declensional classes we do not find formal homonymy within the singular or the plural paradigm, only between singular and plural forms. Thus *aitas* ‘sheep’ and *meitenes* ‘girl(s)’ are either Gen.Sg., Nom.Pl. or Acc.Pl., while *zirgu* ‘horse(s)’ is either Gen.Pl. or Acc.Sg. Given that there at a given point already existed alternatives to the constructions with the genitive, this kind of homonymy resulted in a certain ambiguity in sentences such as these:

<i>Meitenes nav mājās</i>	Reading 1: <i>meitenes</i> = Gen.Sg.: ‘The girl is not at home’ Reading 2: <i>meitenes</i> = Nom.Pl.: ‘The girls are not at home’
<i>Meklēju zirgu</i>	Reading 1: <i>zirgu</i> = Gen.Pl.: ‘I’m looking for some/the horses’ Reading 2: <i>zirgu</i> = Acc.Sg.: ‘I’m looking for a/the horse’

It is hardly surprising that speakers in order to avoid such cases of ambiguity would seek to generalise one of the possible constructions — in most cases probably the one which is in line with the default case-marking pattern of the language. However, it is doubtful whether this degree of homonymy in itself could have triggered the appearance of the alternative constructions in the first place.

In the Low Latvian dialect, the merger of case forms has been much more intense as a result of a second wave of word-final vowel reduction. This has especially affected the largest declensional class, the first declension: *vakar* ‘evening(s)’ thus is either Gen.Sg., Acc.Sg., Nom.Pl. or Gen.Pl. [Rudzīte, 1964, 208–209]. In light of this, the Low Latvian dialect seems a good candidate for the variant of Latvian in which the alternatives to the genitive constructions originated.

Bibliography

- Berg-Olsen, 1999 — S.Berg-Olsen. A syntactic change in progress: The decline in the use of the non-prepositional genitive in Latvian, with a comparative view on Lithuanian. Thesis submitted for the degree of magister artium in Baltic linguistics at the University of Oslo, 1999.
Rudzīte, 1964 — M.Rudzīte. *Latviešu dialektoloģija*. Rīga, 1964.

Антон Брейдак (Рига)

Один архаизм в народных песнях восточной Латвии: индоевропейские истоки

В восточной Латвии бытуют десятки народных песен, в которых возвратные (с точки зрения современного состояния языка) глаголы разделены на две части. В первой части этих конструкций находятся преверб и возвратная морфема *-sa/-za-*, а во второй части — сам глагол. Между этими двумя частями возвратного глагола согласно законам метрики вставлены словоформы полнозначных слов, полностью зависящие от контекста народных песен, например:

<i>Es dūmuoju tautēnuos</i>	Я думала замужем
<i>Pasa vīgla vīglynuot;</i>	Легко пожить;
<i>Nūgrūma muna sirsneņa</i>	Утонуло моё сердечко
<i>Kai ūleņa iudinī.</i>	Как галька в воде.

Tdz. 46448 (Цибла)

В восточной Латвии записаны десятки народных песен с такими конструкциями, например: *ie-sa māte vaicājās* ‘мать спросила’ LD 10237, 6 (Лиесере), *aiza veira gribējās* ‘мужа захотелось’ Tdz. 40632 (Берзгале), *iza meiteņas audzēju* ‘(я) дочерей воспитала’ ФКА 935, 21409 (Прейли), *at-sa, vārti, veraties* ‘откройте, ворота’ LD 18601 (Гростона), *ap-sa pati duomjies* ‘сама подумай’ LD 4961 (Вецпиебалга), *iesa man gribējās* ‘мне захотелось’ Ltdz. 4594 (Акнисте), *paза vīgli vuzunuot* ‘легко покататься’ Tdz. 44631 (Звиргздене) [Braidaks, 1977, 223; Braidaks, 1997, 130; Rudzīte, 1990, 411–421].

В литовском и латышском языках с той эпохи, когда превербы ещё не слились с глаголами, то есть когда они ещё были самостоятельными словами, унаследован приём инфигировать энклитическое возвратное местоимение между превербом (> приставкой) и глаголом, например, лит. *pa-si-žiūrėti* ‘посмотреть’, лтш. диал. *pa-za-v'ārt* ‘то же’. Источником таких форм возвратных глаголов балтийских языков являлись индоевропейские глагольные предложения, характерной чертой которых была следующая модель: преверб + энклитика (балт. возвратное местоимение: D.Sg. **sei* / A.Sg. **so*) + глагол [Endzelīns, 1951, 627; Иванов, 1963, 183–185].

Конструкции типа *iza meiteņās audzēju* ‘(я) дочерей воспитала’ ФКА 935, 21409 (Прейли) в народных песнях восточной Латвии являются рефлексом индоевропейской модели глагольных предложений: наречие + энклитики + ... + глагол. В этой модели между энклитикой и глаголом могла наличествовать любая словоформа имени или местоимения, соответствующая контексту. Первый компонент этой модели развивался следующим образом: имя > наречие > преверб > префикс глагола. Во многих народных песнях восточной Латвии этот компонент на современном этапе развития является превербом. Его изменению в префикс воспрепятствовали законы метрики. Второй компонент в латгальском и селонском племенных языках дал рефлекс *-sa-/-za-* (< и.-е. **so* [Брейдак, 1974, 224–226; Брейдак, 1981, 41–42]). Между энклитикой и глаголом в индоевропейском праязыке помещались остальные полнозначные слова (см. также [Иванов, 1963, 166–171, 183–185]). В латгальских и селонских народных песнях это — падежные формы имён существительных и прилагательных, местоимений, а также наречия именного происхождения.

Совсем редки и изолированы в народных песнях такие случаи, как *sader miezis ar apini, sa zālīte ar ābolu* ‘гармонизирует ячмень с хмелем, гармонизирует трава с клевером’ LD 15453 (Видземе и Курземе), где во второй строке вместо глагола *sader* повторён только префикс *sa*, а также такие случаи, как *niuo zariņš līguojās* ‘ветвь закачалась’ LD 24450, 3 (Марциена). Эти случаи являются реликтами той эпохи, когда преверб ещё не слился с глаголом. Такому слиянию воспрепятствовали закономерности метрики латгальских и селонских народных песен.

Литература

- ФКА — Материалы архива Хранилища фольклора Института литературы, фольклора и искусства Латвийского университета
 LD — Kr.Barons, H.Visendorfs. *Latvju dainas*. I Sēj. Jelgava, 1894; II–VI Sēj. Pēterburga, 1903–1915.
 Ltdz. — *Latviešu tautasdziesmas*. I–VI Sēj. Rīga, 1979–1993.
 Tdz. — *Tautas dziesmas*. I–IV Sēj. Rīga: *Latviešu folkloras krātuve*, 1936–1939.
 Breidaks, 1977 — A.Breidaks. *Daži latgaliešu tautasdziesmu valodas jautājumi*. // *Latviešu folkloras: Žanri, stils*. Rīga, 1977. — 215.–226. lpp.
 Breidaks, 1997 — A.Breidaks. *Morphonological archaisms in Latgalian folksongs*. // *Linguistica Baltica*, vol. 5–6, 1996–1997. — pp. 129–132.
 Брейдак, 1974 — А.Б.Брейдак. Смягчение согласных и некоторые вопросы исторической морфологии говоров Латгалии. // *Балто-славянские исследования*. Москва, 1974. — с. 220–226.
 Брейдак, 1981 — А.Б.Брейдак. Древнейшие латгало-селонско-славянские языковые связи. // *Балто-славянские исследования*: 1980. Москва, 1981. — с. 37–45.
 Endzelīns, 1951 — J.Endzelīns. *Latviešu valodas gramatika*. Rīga, 1951.
 Иванов, 1963 — В.В.Иванов. Хеттский язык. Москва, 1963.
 Rudzīte, 1990 — M.Rudzīte. *Arhaisms latviešu tautas dziesmas* // *Symposium Balticum: A Festschrift to honour Professor Velta Rūķe-Draviņa*. Hamburg, 1990. — 411.–421. lpp.

Суффикс *-uk-* в латышском языке

Самое первое, что можно сказать о суффиксе *-uk-* в латышском языке: это редкий (то есть малопродуктивный) суффикс. В так называемой академической грамматике современного латышского литературного языка [MLLVG-I] при обзоре словообразования существительных рассматриваются 24 суффикса, однако *-uk-* не упоминается. В частотном обратном словаре латышского языка [LVIBV, 1976] дан статистический обзор 23 наиболее продуктивных и частотных суффиксов имени существительного, заканчивающийся суффиксом *-av-*, покрывающим 0,2 % от общего корпуса слов частотного словаря и 0,1 % от количества учтённых словоупотреблений; *-uk-* в этом обзоре не представлен. Можно сослаться также на такой своеобразный материал, как названия озёр; в кандидатской диссертации Л.Балоде, посвящённой образованию латышских лимнонимов (1985), выделено 59 суффиксов, однако и среди них *-uk-* не находим (любопытно, что в литовской гидронимии *-uk-* является четвёртым по продуктивности суффиксом вслед за *-el-*, *-en-*, *-išk-* [Vanagas, 1970, 380–381]; конечно, при сопоставлении этого литовского материала с латышским следует учесть и лтш. *-uc-*). И только в Грамматике латышского языка Я. Эндзелина [Endzelin, 1922, 263–264; Endzelīns, 1951, 359–360 (§ 187)] суффиксу *-uk-* посвящена пара абзацев; здесь указана, среди прочего, основная функция этого словообразовательного элемента — образование диминутивов (в ряде говоров — без нюанса нежности). Из приведённых Эндзелином примеров почти половина — диминутивы от личных имён.

Определённую информацию об активности этого суффикса в современном латышском письменном языке даёт уже упомянутый обратный словарь. В нём зафиксировано 9 существительных с финалью *-uks*, из которых относительно высокой встречаемостью обладает одно — *večuks* (25 фиксаций в материале частотного словаря; следующим по частотности является *brāļuks* с шестью фиксациями). Все эти слова относятся к одной и той же тематической группе — это диминутивы от названий живых существ — людей (*večuks*, *tētuks*, *mammuks*, *māšuks*, *brāļuks*) и животных (*lāčuks*, *ežuks*, *suņuks*, *runčuks*). Два исключения из этой семантической специфики можно найти среди диалектных примеров, приведённых Эндзелином — *maišuks* в Селпилсе и *kuļuks* или *kuļuka* (единственный известный пример с финалью *-uka*) в Биржи, однако это диалектизмы весьма ограниченного распространения. В говорах зафиксировано также ещё несколько обозначений живых существ: *bērņuks*, *peļuks* (известны и в разговорной речи), *dēļuks*, *teļuks*, *vepruks*, *vēršuks* (а в современной разговорной речи довольно высокой частотностью обладает слово *tantuks*). Из всех приведенных примеров в Словаре латышского литературного языка [LLVV] включено 4 слова, из них только два (*večuks*, *suņuks*) без стилистических помет, *brāļuks* с пометой *разг.* и *tētuks* с пометой *с сердечной эмоциональной окраской*. Таким образом, можно сказать, что с точки зрения нормативного словаря лишь два слова с *-uk-* являются стилистически нейтральными, остальные же относятся к разговорной речи, если не к просторечию. С такой стилистической спецификой имён нарицательных с суффиксом *-uk-* сопоставимо и стилистически оценочное

своеобразие соответствующих личных имён (*Ievuks, Martuks, Māruks, Guntuks; Jāņuks, Brenčuks*); все эти диминутивы имеют ярко ощущаемую разговорную окраску (оценочная окраска предопределяется контекстом).

С морфологической точки зрения следует отметить, что имена нарицательные с *-uk-* образуются главным образом от существительных мужского рода с *īo*-основой (то есть имеющих в Nom.Sg. окончание *-is*), в то время как диминутивы личных имён преимущественно (особенно в современной разговорной речи) образуются от имён женского рода с *a*-основой (то есть имеющих в Nom.Sg. окончание *-a*). Следовательно, суффикс *-uk-* переводит все эти имена женского рода в формальную категорию мужского рода (что, между прочим, не остаётся без влияния на коннотативную семантику соответствующих дериватов).

Особого анализа заслуживает судьба согласного, предшествующего суффиксу *-uk-*. В большинстве случаев этот согласный йотируется, что закономерно для диминутивов от имён с *īo*-основой, а в остальных случаях может быть объяснено, в частности, аналогией (так [Endzelīns, 1951, 359]). Однако следует учесть также и другие возможные причины этого йотирования.

Литература

- MLLVG-I — Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I Sēj. Rīga, 1959.
LVIBV, 1976 — Latviešu valodas inversā biežuma vārdnīca / Sast. T.Jakubaite, V.Ozola, A.Rubīna, N.Sika. Rīga, 1976.
Vanagas 1970 — A.Vanagas. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
Endzelin, 1922 — J.Endzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
Endzelīns, 1951 — J.Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
LLVV — Latviešu literārās valodas vārdnīca. Rīga, 1972–1996.

Бьёрн Вимер (Констанц)

Префиксация диффузных глаголов в литовском языке

В литовском языке — как в диалектах, так и в литературном языке (*lietuvių bendrinė kalba*) — существует большое количество бесприставочных глаголов, обладающих своеобразной двойкой полисемией: с одной стороны, они обнаруживают лексическую неопределённость („диффузность“, напр., *vykti, versti, daryti*); с другой стороны, они аспектуально неустойчивы в том смысле, что могут употребляться как для обозначения предельных событий, так и в прогрессивной функции. Лексическая диффузность проявляется в том, что либо один и тот же глагол может употребляться в разных, весьма удаленных друг от друга (на синхронном уровне) значениях (напр., *versti* 1. ‘переворачивать, опрокидывать’, 2. ‘пахать’, 3. ‘переводить’, 4. ‘заставлять’), либо он обозначает действие, которое ближе определяется только из контекста (напр., *braukti* 1. ‘чертить’, 2. ‘перечёркивать’, 3. ‘подчёркивать’, 4. ‘зачёркивать’ и т.д.). Частным случаем последнего является ситуация, когда один и тот же глагол может обозначать антонимические действия (напр., *daryti* 1. ‘открыть’, 2. ‘закрыть’, *rengtis* 1. ‘одеться’, 2. ‘раздеться’). Все два (или три) вида диффузности обычно

снимаются посредством префиксации; ср., напр., *vykti* — *išvykti* / *nuvykti* vs. *atvykti* (уходит значение ‘*происходить*’ и уточняется направление или дейктическая точка отсчета) или *versti* — 1. *nuversti*, 2. *apversti* (*dirvas*), 3. *išversti*, 4. *priversti* (ср. значения по цифрам выше).

В докладе рассматривается вопрос, какие семантические изменения сопровождают приставочную аффиксацию литовских бесприставочных глаголов с диффузным значением и каким образом она меняет аспектуальное поведение в парах бесприставочный глагол (БГ) — приставочный глагол (ПГ). Теоретически мыслимы следующие виды соотношения:

- 1) лексическое значение ПГ уже, чем у БГ, то есть контурируется лексическое значение производящей основы (ср. примеры выше);
- 2) лексическое значение ПГ модифицирует значение БГ, то есть, как правило, добавляется компонент значения, которого не было в значении производящей основы (напр., *sakyti* — *už(si)sakyti*);
- 3) лексическое значение ПГ оторвано от значения БГ, так как у обоих глаголов (основ) нет нетривиальных общих компонентов толкования (напр., *rodyti* — *įrodyti* ?);
- 4) лексические значения БГ и ПГ не отличаются (напр., *sakyti* — *pasakyti*).

Во всех четырёх типах аспектуальный диапазон обоих глаголов может различаться или нет.

В докладе будет представлена классификация БГ и их приставочных дериватов по лексическим группам и типу соотношения между формальной деривацией и её семантическими последствиями для диффузных значений производящих основ. Исследование проводится в русле опыта лексического толкования значений [Апресян, 1995], теории функциональных операций Фолькмара Леманна [Lehmann, 1996, 1999] и теории взаимодействия лексической семантики с видом Вальтера Броя [Брой, 1997]. Анализ материала проведён на основании большого корпуса данных современного литовского языка (*Kauno tekstynas*) и данных из словаря *Lietuvių kalbos žodynas*.

Литература

- Апресян, 1995 — Ю.Д.Апресян. Лексическая семантика. (Синонимические средства языка). Москва, 1995.
- Брой, 1997 — В.Брой (W.Breu). Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов). — В кн.: Семантика и структура славянского вида II. / ред. С.Кароляк. Kraków: WSP, 1997 — с. 49–72.
- Lehmann, 1996 — V.Lehmann. Die Rekonstruktion von Bedeutungsentwicklung und -motiviertheit mit Funktionalen Operationen. — In: W.Girke (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1995. München. — S. 255–289.
- Lehmann, 1999 — V.Lehmann. Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion. — In: T.Anstatt (Ed.). Entwicklungen in slavischen Sprachen. (Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 66.) München, 1999. — S. 169–254.
- Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XVIII. Vilnius, 1968–1997–.

Paweł Wójcik (Warszawa)

1PI Present tense forms and deontic modality in Lithuanian

In Lithuanian deontic modality may be expressed, first of all, by means of (1) the Imperative mood; and (2) modal verbs (e.g. *turėti; galėti; norėti*), as well as impersonal modal predicators (e.g. *reikia, galima*). Another common way of expressing deontic modality in colloquial Lithuanian is the use of 1PI Present tense forms.

The aim of the paper is to discuss the way in which 1PI Present tense forms function in modal utterances.

(i) modal 1PI Present tense forms vs. 1PI Imperative forms

It seems that in colloquial Lithuanian modal (deontic) utterances with 1PI Present tense predicates are more frequent than those with imperative predicates, and they convey a wider range of modal meanings. Whereas 1PI Imperative forms denote only hortativity, 1PI Present forms may denote either hortativity or volition.

(ii) the morphological structure of modal and non-modal 1PL forms

In colloquial Lithuanian the use of Present tense forms with full endings (*iname*) and with shortened endings (*inam*) in non-modal utterances is fully optional. In the case of hortative utterances forms with the shortened ending are more common. The use of a form with the ending *-me* (accompanied by appropriate sentence intonation) usually results in a modification of meaning — speaker's wish for an action to be performed is expressed more categorically.

1PI Present tense forms in modal utterances are usually prefixed ones, however, the use of simplex forms is acceptable. As it is the case with full and shortened variants of 1PI endings, deletion of prefixes is a way of making the speaker's wish more explicit.

Anna Vulāne (Rīga)

Galotnes funkcijas latviešu valodā

Indoeiropiešu valodās galotne veidojusies kā vārda formālās struktūras pabeigtības zīme, kuras pamatfunkcija ir gramatiskās nozīmes izteikšana. Latviešu valodas galotņu veidošanās noteikusi to funkcionālo divējādību:

- 1) tipiska, produktīva formveidotāja morfēma, ko izmanto dzimtes, skaitļa, locījuma, noteiktības/nenoteiktības nozīmes sinkrētiskai izteikšanai nomenu sistēmā un personas, refleksivitātes (nerefleksivitātes), skaitļa, kā arī dzimtes un locījuma (divdabjiem) nozīmes izteikšanai verbu sistēmā;
- 2) nozīmīgs substantīvu, kārtas numerāļu un verbu derivatīvais līdzeklis.

Modernizējoties valodai, notikusi vārda beigu daļas fonētiskā reducēšanās, līdz ar to — morfēmu pārsadalīšanās un funkciju pārbīde. Rezultātā mūsdienu galotnes *-a, -e, -is*, kas veidojušās no senajiem sufiksiem, valodas sinhronajos procesos iesaistās kā cita veida morfēmas, saglabājot savu sākotnējo derivatīvā sufiksa funkciju un iegūstot jaunu — formveidotājmorfēmas funkciju.

Dažādu vārdšķiru ietvaros galotnes morfoloģiskā un derivatīvā nozīme realizējas ar atšķirīgu intensitāti. Visvairāk tā noslogota substantīvu leksiski gramatiskajā paradigmā, kur:

1) izsaka tipiskas nomenu kategorijas:

- a) dzimtes, veidojot opozīciju *vīriešu*: *sieviešu* dzimte, piem., *zemnieks* : *zemniece*, *gulbis* : *vārna*. Dažkārt šādā opozīcijā galotne būtiski diferencē vārda nozīmi, piem., *cilvēks* : *cilvēce* ‘cilvēku kopums’. Latviešu valodā galotne ir obligāta visu lietvārdu un īpašības vārdu gala morfēma, piem., *Kravčuks* : *Kravčuka*, *garš* : *gara*,
- b) skaitļa, veidojot opozīciju *viens* : *daudzi*, piem., *lietus* : *lieti*. Daļai lietvārdu šī paradigma ir defektīva vai arī semantiski atšķirīga, piem., *milti* (dsk.), *nauda* (vsk.), *zaļums* ‘vispārināta īpašība’ : *zaļumi* ‘augi; vieta brīvā dabā’,
- c) locījuma, lai realizētu 6 atšķirīgu formu maiņas paradigmu un nodrošinātu substantīviem iespēju veidot sintaktiskās attiecības;

2) piedalās vārddarināšanā sufiksāla derivatīva — formanta sastāvā, piem., *-tājs*, *-tāja*, *-ums*, *-ība*, vai veicot derivatīvās morfēmas funkcijas, lai no vārdiem un adjektīviem darinātu atvasinājumus ar *-a*, *-e*, *-is*, *-s*, piem., *atslēga* < *atslēgt*, *nieze* < *niezt*, *aklis* < *akls*, *aizkars* < *aizkar*; kā arī divafiksu derivātus, piem., *piekalne* < *kalns*, salikteņatvasinājumus, piem., *tukšziedis* < *tukšiem ziediem*.

Adjektīvu, pronomenu galotnei ir tikai formveidotājas morfēmas funkcijas, bet numerāļu galotne *-ais*, *-ā* tiek izmantota kārtas skaitļa vārdu darināšanai, piem., *desmitais* < *desmit*.

Verbu sistēmā ar gala morfēmu *-t* mēdz darināt adjektīvu motivētus derivātus, piem., *bālt* < *bāls*. Atgriezenisko galotni *-ies* izmanto ne tikai refleksīvuma izteikšanai, bet arī jaunu vārdu darināšanai, piem., *skrieties* < *skriet*, *sarakstīties* < *rakstīt*.

Galotni *-i* (retāk *-u*) izmanto adverbu darināšanā no adjektīviem un participiem, piem., *lieliski* < *lielisks*, *tālu* < *tāls*; *spīdoši* < *spīdoša*, *apbrīnojami* < *apbrīnojams*. Adverbu sistēmā galotne nerealizē formveidošanas funkciju.

Derivatīvajām galotnēm parasti ir minimālas spējas diferencēt vārda nozīmi. Tās klasificē atvasinājumus vārdšķiru līmenī, piešķirot vārdam attiecīgās vārdšķiras vispārīgo leksiski gramatisko nozīmi, kuru konkretizē motivētā vārda semantika. Piem., tieši galotne ir tā formālā pazīme, pēc kuras izšķir vārdus *atlūzt* un *atlūza*, *nomalis* ‘priekšmets’ : *nomale* ‘vieta’ < *mala* nozīmi.

Darīnot vārdus ar galotni, veidojas pāris (retāk — triāde), kurā vārdus vieno kopēja sakne (vai tās fonētiskais variants) un semantiskā tuvība, bet tie pieder dažādām vārdšķirām.

Inguna Greitāne (Rīga)

Latviešu valodas tekstu datorizētas morfoloģiskās apstrādes metodes

Mūsdienās dators ir neatņemama ikdienas dzīves sastāvdaļa. Tas sekmē datorizētu valodas apstrādes līdzekļu izstrādi, lai nodrošinātu saziņu starp cilvēku un datoru dzimtajā valodā.

Latviešu valodai kā fleksīvai valodai, viena no būtiskākām valodas apstrādes līdzekļu grupām ir morfoloģiskās apstrādes metodes. Pēc realizētajiem apstrādes

principiem morfoloģiskās apstrādes metodes var iedalīt determinētās un varbūtiskās metodēs.

Latviešu valodai izstrādātas vairākas determinētas apstrādes metodes: datorizēta morfoloģiskā analīze, izmantojot specializētu vārdnīcu (I.Greitāne), divu līmeņu morfoloģija (sabiedrība Tilde), morfēmiskā analīze (B.Krūze-Krauze, S.Imbovičs, I.Greitāne, U.Sarkans) un celmošana (stemming) (K.Krēsliņš). Tāpat minamas vairākas varbūtiskās metodes: varbūtiskā morfoloģiskā analīze (V.Drīzule) un varbūtiskā morfoloģiskā analīze un homoformu atpazīšana (I.Greitāne).

Divu līmeņu morfoloģija un morfoloģiskā analīze ir precīzākās morfoloģiskās analīzes metodes. Šīs metodes vienmēr sintezē pareizu vārda pamatformu un sniedz nepieciešamo gramatisko informāciju. Metožu būtiskākais trūkums ir piesaiste vārdnīcai — pareizi tiek atpazīti tikai vārdnīcā iekļautie vārdi.

Salīdzinot ar morfoloģisko analīzi, morfēmiskā analīze ir daudz plašāk pielietojama — tā kā šīs metodes pamatā ir vārdformu sadalīšana morfēmās un morfēmu saraksts ir gandrīz pilnīgs, tad šī metode ļauj analizēt patvaļīgu tekstu. Metodes precizitāte ir 84 %. Tādējādi kļūdas, kas rodas vārdformu sadalot morfēmās, atstāj negatīvu iespaidu uz nākamajā solī veikto morfoloģisko analīzi.

Celmošanu var uzskatīt par determinētas morfoloģiskās analīzes metodes paveidu. Metodes mērķis nav atrast vārda pamatformu un noskaidrot gramatisko informāciju par vārdformu, bet gan noteikt vārda celmu un tā morfonoloģiskos variantus. Šim mērķim tiek izmantota celmu vārdnīca. Ar īpašu algoritmu palīdzību no celmiem tiek atdalīta galotne. Metodi izmanto efektīvas meklēšanas nodrošināšanai.

Varbūtiskā morfoloģiskās analīzes metode izmanto statistikas datus par galotnēm. Tā efektīvi lietojama jebkuram tekstam, ir ātrdarbīga un universāla. Vārdformas gramatiskais raksturojums pareizi tiek iegūts ar varbūtību 0,88.

Visu morfoloģisko metožu, izņemot celmošanas, kopējais trūkums ir rezultātu daudznozīmība. Tāpēc izstrādāta varbūtiska metode, kas sākumā „mācās” no teksta, kura morfoloģisko analīzi veicis cilvēks, bet pēc tam, izmantojot „iemācīto”, veic nepazīstama teksta morfoloģisko analīzi. Pašreiz metodes precizitāte ir 87 %.

Iepriekš apkopoto metožu izklāsts ļauj secināt, ka metodes izvēle ir atkarīga no pielietojuma. Ja galvenais ir informācijas kvalitāte, tad labāk pielietojamas determinētās metodes. Savukārt, ja būtiskāka ir ātrdarbība un universalitāte, tad piemērotāka ir morfēmiskā analīze un varbūtiskās metodes.

Ирина Диманте (Рига)

Транспозиционные возможности латышских адвербов (на примере лексемы *viršū*)

Известный латвийский лингвист Я.Эндзелин, а затем и Д.Нитиня уделили достаточное внимание формированию предлога *virš* и его грамматическим особенностям, поскольку специально занимались проблемой становления и развития предложной системы латышского языка [Эндзелин, 1905, 425–429; Nītiņa, 1978, 187.–189]. В то же время относительно однокоренного адверба *viršū* в лингвистической литературе написано не так уж много, вероятно, потому, что

учёные не ставили перед собой такую задачу. Нам же представляется немаловажным коснуться этой проблемы, поскольку она связана с решением некоторых спорных вопросов, связанных с процессами словообразования. Принимая во внимание исследования С.Лагздини и выдвинутую ею концепцию относительно релятивных адвербов [Lagzdīņa, 1995], а также учитывая специфику целого ряда адвербов латышского языка (а именно их большую независимость по отношению к глаголам, чем подобных им в русском языке, и, соответственно, меньшую с ними связанность) и особенности становления и функционирования латышских предлогов, мы допускаем возможность формирования предлога *virš* не напрямую на базе имени существительного, а через ступень адвербиализации. Вероятнее всего, что начальная адвербиальная форма существительного (локативная или иллативная), закрепившись в качестве локального наречия с релятивной семантикой ещё в дописьменный период, в ряде говоров параллельно стала выполнять предложные функции, то есть сочетаться с именами существительными. Основанием для выдвижения такого положения служит: во-первых, сам способ формирования латышских предлогов на базе наречий с релятивной семантикой, оказавшихся в препозиции по отношению к (как правило) дат. п. или род. п. имени существительного, — так называемая „зона формирования предлогов“ [Lagzdīņa, 1995]; во-вторых, сохранившаяся за латышскими адвербиальными образованиями особенность сочетаться с именами существительными, выступая в функции предлога или послелога, то есть их функциональная разноплановость.

Однако разногласия учёных не исчерпываются вопросом о частеречной принадлежности адвербиальных образований. Речь идёт о „конечном продукте“ эволюционной цепочки: адвербиальная форма имени существительного *viršū* (Lok.) // *virson/viršan* (III.) > собственно адverb *viršū* > предлог *virš* (возможно, оформившийся параллельно или, что, на наш взгляд, более логично, несколько позднее адверба; на эту мысль, в частности, наводят замечания, приведённые в грамматиках Г.Адольфи и Я.Лангия и прокомментированные Я.Эндзелином и Д.Нитиней (указ. соч.), и исследования М.Рудзите, Э.Сойды и С.Лагздини) > первый компонент сложных слов или префиксоид *virš-*.

Если обратиться к аналогичным образованиям в русском языке, то обнаруживается достаточно явное противопоставление сложных слов и префиксоидных лексем с подобными компонентами, поскольку им присущи соответствующие внешние форманты, не позволяющие их полностью отождествлять ни по структуре, ни по значению, сравните: *верхнегортанный*, *верхнемелевой*, *верхне-челюстной* и *сверхстойкий*, *сверхтяжёлый*, *сверхъестественный* и т. п.

В латышском языке ситуация усложняется из-за отсутствия каких-либо внешних (формальных) аффиксальных различий, наличие которых позволило бы установить соотношение с определённой структурной организацией слова и соответствующим ей значением. Поэтому у латвийских лингвистов сформировались различные взгляды на то, как же целесообразнее обозначить первый компонент *virš-* в составе производных лексем: как корень, как префикс, как полуаффикс или префиксоид. В этой связи, на наш взгляд, необходимо обратиться к системе значений, присущих этому компоненту в составе производной лексемы, и соотнести их со значениями производящих единиц

(основ). Если по значению первый компонент соответствует значению знаменательной части речи — существительному или адвербу, различие которых в ряде случаев установить весьма сложно [Rudzīte, 1960, 209], то целесообразно считать его первой частью сложного слова; соответственно, если первый компонент соответствует значению служебной части речи — предлогу, то представляется вероятным рассматривать его в качестве префиксоида.

Литература

- Эндзелин, 1905 — Я.Эндзелин. Латышские предлоги. I часть. — Цит. по: J.Endzelīns. Darbu izlase. I Sēj. Rīgā, 1971. — 307.–520. lpp.
- Lagzdiņa, 1995 — S.Lagzdiņa. Adverbi, prievārdi vai pusprievārdi? // Baltistica VII. Starptautiskais baltistu kongress. Referātu tēzes. Rīga, 1995. — 61.–65. lpp.
- Nītiņa, 1978 — D.Nītiņa. Prievārdu sistēma latviešu rakstu valodā. Rīga, 1978.
- Rudzīte, 1960 — M.Rudzīte. Latviešu valodas vēsturiskās gramatikas lekciju konspekts. Rīga, 1960.

Мария Вячеславовна Завьялова (Москва)

Некоторые грамматические особенности текстов литовских заговоров, отражающие их прагматику

Заговоры, как один из фольклорных жанров, связанных с миром магии, отражают архаичное мировоззрение. Несомненно, основные принципы, на которых основана структура заговоров, имеют много общего с особенностями первобытного мифологического мышления. Эти закономерности нетрудно проследить на уровне развёртывания сюжета, однако не менее интересно их проявление на уровне структурной организации текста: в частности, в морфологии и словообразовании.

Одной из таких отличительных особенностей является стремление к симультанности, синкретичности, отвечающее основной цели заговора — произвести направленный удар. Вследствие этого и весь текст представляется как сжатая пружина с большим потенциалом воздействия. Этой цели служат разнообразные приёмы:

- 1) основная смысловая нагрузка на существительные, вследствие чего категория времени становится нерелевантной — упор делается на предмет, его номинацию, а не действие, что отражает представления о том, что одним только названием можно заставить разные сущности повиноваться воле человека (заговаривающего). Например: *Saulē saulēs, mēnuo mēno, kirmelē kirmelēs*. [Mansikka, 1929, 78, № 63]
- 2) употребление глаголов-перформативов, абсолютизирующих настоящее — всё, что происходит, имеет место здесь и сейчас. Например: *Kap šitų raikštelį mazgiou mazgeliais, taip mazgau rišu tavy, NN kraujas, aš tau insakou, iš kūno nebėk, saulės nemacyk, šviesai nesirodzyk. Švento Petro raktu tavi rakinu, Dzievo vardu tavi užkeikiu, sustok*. [Krėvė-Mickevičius, 1926, 504, № IV]
- 3) использование причастий, деепричастий и полупричастий, что создаёт впечатление симультанности, небольшой продолжительности действия по времени, а также делает нерелевантной информацию, которая была бы необходима для

соответствующего глагола, то есть агенс, способ действия, инструмент, время. Например: *Ējo kartą Jėzus per ežerą ir turėjo tris rožes; beeidamas dvi pametė, tai pastebėjęs metė ir trečią sakydamas: „pražūk ir tu!“* [Miškinis, 1926, 467, № 59]

- 4) распространённость отглагольных существительных, что приводит к тому, что действие, выраженное ими, становится атрибутом персонажа, его инструментом, полностью ему подчинено, как грамматически, так и семантически — действие спрессовывается во времени, становится абсолютной данностью и собственностью лица, от которого исходит. Например: *...Dzievo leidžimu, mano liepimu, švento Jono patarimu tegul pasiima sopulį dancis, kur mano rankoje, iš to dancio, kur N dėsnioje...* [Krėvė-Mickevičius, 1926, 506, № X]
- 5) абсолютизация признаков и качеств, что выражается с помощью существительных, образованных от прилагательных — в подобных случаях признак, в противоположность глаголу при субстантивации, получает автономность, независимость от существительного, что облегчает манипуляции с ним. Например: *Dangaus gerybė, žemės blogybė. Paim' iš dangaus gerybę, duo' žemės blogybė velnian.* [Cicėnas, 1934, 28, № 385]
- 6) всевозможные парные тавтологические сочетания и новообразования из двух основ, заключающие в себе сразу несколько признаков. Например: *šaltuodegė, geležinuodegė, raudonamargė* (обращения к змее), *ugniavystas (kraujas)*.
- 7) создание с помощью суффиксов и префиксов линии дополнительного значения, связующей слова с разным смысловым наполнением — таким образом образуется некий замкнутый магический круг. Например: *Ajo Panelė Švenčiausia per lonkelius, pataikė kajači in akmenėli, numušė mažų piršteli, aptaškė akmenėli kroujaliu...* [Krėvė-Mickevičius, 1926, 504, № I].

Многие из выделенных особенностей организации заговорного текста являются универсальными, однако именно литовские данные в этой связи представляются ценными в силу архаичности литовского фольклора. И это касается прежде всего структуры текста — краткость формы, заклинательный характер заговоров и особая роль имени в грамматических конструкциях, скорее всего, служат доказательством их архаичного происхождения.

Литература

- Cicėnas, 1934 — J.Cicėnas. Vilniaus tautosaka. Daugėliškiniai burtai. Vilnius, 1934.
Krėvė-Mickevičius, 1926 — V.Krėvė-Mickevičius. Kerai. // Tauta ir žodis, IV, 1926. — p. 504–508.
Mansikka, 1929 — V.J.Mansikka. Litauische Zaubersprüche. Helsinki, 1929.
Miškinis, 1926 — J.Miškinis. Trys šimtai dzūkų burtų ir prietarų // Tauta ir žodis, IV, Kaunas, 1926. — p. 463–475.

Egidijus Zaikauskas (Vilnius)

Performatyvumo gramatiškumas, leksiškumas ir pragmatiškumas

Performatyvumas — tai kalbos savybė nulinės deiksės sąlygomis (čia ir dabar) pasakymu atlikti nekalbinį veiksma. Performatyvūs pasakymai, skirtingai negu konstatyviniai, pavyzdžiui, aprašomieji (*Vaikas žaidžia su šuniuku*) ar vertinamieji

(*Petraitis blogas tėvas*), ne aprašo kitą buvusį, esamą ar galimą būti veiksmą, įvykį, faktą ar dalykų padėtį, bet patys tą veiksmą atlieka arba tą faktą sukuria.

Būdingoji performatyvių pasakymų eksplicitinė raiška, t.y. „eksplicitiniai performatyvai“ [Austin, 1962, 67] — su performatyviuoju veiksmožodžiu, pavartotu tam tikra gramatine forma: (*Aš pažadu daugiau nesikeikti*, (*Aš skelbiu jus vyru ir žmona*, (*Mes užjaučiame A.M. dėl brolio mirties*, *J.P. skiriamas teisingumo ministru*).

Be gramatiškumo, įvairių autorių dar nurodomas performatyvumo pragmatinis bei leksinis-semantinis pobūdis [Austin, 1962; Searle, 1969; Апресян, 1986 ir kt.].

Lietuvių kalbotyroje šis reiškinytis lig šiol nėra išsamiau tyrinėtas, nors nėra nepastebėtas. Pavyzdžiui, Dabartinės lietuvių kalbos gramatikoje jis nurodomas kaip veiksmožodžių konkretauso esamojo laiko vartojimo atvejis [DLKG, 1994, 295–296].

Leksini-semantini performatyvumo pobūdį rodo tai, kad iš veiksmožodžių tik kalbėjimo reikšmės semantini komponentą turintieji (vienos LSP) gali būti vartojami performatyviai. Plg. (*Aš įsakau nukirsti jam galvą* (performatyvas) ir (*Aš kertu jam galvą* (deskripcija).

Su performatyvių veiksmožodžių semantika susijęs ir jų negalėjimas jungtis su tam tikrais leksiniais vienetais, pvz., su daugybe laiko bei trukmėsrieveiksmių, kaip antai *visada*, *tučiuojau*, *netrukus*, *laiku*, *ilgai* etc.

Pragmatini performatyvumo pobūdį rodo tai, kad performatyviają / neperformatyviają vienodų pasakymų, pvz., (*Aš pažadu daugiau nesikeikti*, funkciją skiria pragmatinis kontekstas: ar pasakymas vartojamas intencionaliai (su kokia intencija), kam jis adresuojamas, kaip jis suvokiamas klausytojų, kokiomis aplinkybėmis ištariamasis, deiksė.

Be to, galimybė konkretų ilokucini veiksmožodį vartoti performatyviai priklauso nuo ilokucijos; plg. tokių kalbėjimo reikšmės veiksmožodžių, kaip *patariu* ir *užsimenu* (neįmanomas vartoti performatyviai), vartoseną: (*Aš patariu tau nedraugauti su Andriumi*, *nes jis susitikinėja su Laima* ir *(*Aš užsimenu tau nedraugauti (kad tu geriau nedraugautum) su Andriumi*, *nes jis susitikinėja su Laima*. Performatyvi tokių pasakymų vartoseną reikštų „ilokucinę šnekėtojo savižudybę“ (Vendlerio terminas [Vendler, 1976, 135]).

Performatyvumo gramatiškumą rodo pirmiausia tai, kad jį reprezentuoja būdingosios gramatinės formos:

1) tiesioginės nuosakos (kai kurių etiketinių⁷ direktyvų — ir tariamosios nuosakos, pvz., *prašyčiau*, *patarčiau*, *siūlyčiau*) esamojo laiko pirmasis asmuo, pvz., *Skelbiu jus vyru ir žmona* — asmeninis performatyvas;

2) neveikiamajo dalyvio esamojo laiko vardininko / negimininė forma — neasmeninis performatyvas (adresantas neaktualus / nekonkretus, pvz., *Pašaliniams įeiti draudžiama*, arba žinomas iš konteksto, džn., pragamatinio, pavyzdžiui, dekanos (adresanto) įsakyme: *Stipendija skiriama šiemis studentams*).

Pats performatyvo pobūdis — veiksmo atlikimas / kūrimas kalbėjimo momentu — lemia privalomą performatyvio veiksmožodžio ryšį su esamojo laiko gramema⁸. Su tuo susijęs ir performatyvo galimumas būti vien eigos veikslo.

⁷ Etiketinėmis laikytinos ir kai kurios bene frazeologiškos formuluotės su performatyvių veiksmožodžių bendratimimis, pvz., *Turiu garbės pristatyti...*, *Leiskite jus pasveikinti...*, *Drįstu priminti...* etc. Tokiomis formuluotėmis paprastai išreiškiamas silpnesnės ilokucinės jėgos performatyvas.

⁸ Itin retai neveikiamajo dalyvio būtojo laiko formomis eksplicitiškai reiškiamas performatyvas, pvz., *Jūs alleistas!* yra konvencinio pobūdžio, taigi labiau sietinas ne su gramatiškumu, o su pragamatiškumu.

Kitomis gramatinėmis tų pačių veiksmažodžių formomis performatyvumas neišreiškiamas, taigi akivaizdi gramatinių formų opozicija, pavyzdžiui, formos *Skelbiu jums karą* ir *Iškilmingas posėdis skelbiamas atidarytas* — performatyvios, o *Aš paskelbiau, tu paskelbk, jis skelbia, kas paskelbs susirinkimo pradžia* ir kt. — neperformatyvios.

Minėtieji faktai rodo performatyvumą esant sintetini reiškini, galbūt gretintiną su tokiomis gramatinėmis žodžių klasių kategorijomis [Paulauskienė, 1994, 286] kaip tranzityvumas, iteratyvumas, priešastingumas ir kt.

Literatūra

- Апресян, 1986 — Ю.Д.Апресян. Перформативы в грамматике и словаре. // Известия АН СССР. Т. 45. № 3. Москва, 1986. — с. 208–223.
- Austin, 1986 [1962] — J.L.Austin. How To Do Things With Words. (2nd edition ed. by J.O.Urmson and Marina Sbisa). Oxford: Oxford University Press, 1986.
- DLKG — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. / Red. V.Ambrazas. Vilnius, 1995.
- Paulauskienė, 1994 — A.Paulauskienė. Lietuvių kalbos morfologija: paskaitos studentams. Vilnius, 1994.
- Searle, 1969 — J.R.Searle. Speech Acts. London: Cambridge University Press, 1969.
- Vendler, 1976 — Z.Vendler. Illocutionary Suicide. // Issues in the philosophy of Language. / Eds A.F.Mckay, D.D.Merrill. New Have. London: Yale University Press, 1976. — p. 135–146.

Andra Kalnača (Rīga)

Opozīcija *dzīvs / nedzīvs* mūsdienu latviešu valodā

1. Valodas gramatiskajā sistēmā svarīga loma ir gan paradigmātiskām, gan sintagmātiskām opozīcijām. Uz šādu opozīciju pamata veidojas morfoloģiskas un semantiskas kategorijas. Semantiskās kategorijas ir plašākas un komplicētākas, jo ietver fonētisko, morfoloģisko, sintaktisko un leksisko līdzekļu kopumu, kas valodā var veikt vienotu funkciju.

2. Opozīciju *dzīvs / nedzīvs* var uzskatīt par semantiskas kategorijas — dzīvības — izpausmi. Vairāku morfoloģisko kategoriju struktūra latviešu valodā ir saistīta ar minēto opozīciju.

3. Tradicionāli opozīciju *dzīvs / nedzīvs* saista ar nomen dzimtes kategoriju — sieviešu, vīriešu un nekatro dzimti. Taču mūsdienu latviešu valodā dzimtes kategorija nav atkarīga no šīs opozīcijas, jo nekatrā dzimtē nomen sistēmā ir zudusi. Opozīcija *dzīvs / nedzīvs* funkcionē lietvārda locījuma paradigmas ietvaros, spilgtākā tās izpausme ir lietvārda vokatīva locījums.

4. Mūsdienu latviešu valodā opozīcija *dzīvs / nedzīvs* ir koncentrēta verba semantiskajā, morfoloģiskajā un gramatiskajā struktūrā. Opozīcija eksistē vairāku verba gramatisko kategoriju mijiedarbībā — personas, kārtas un pārejamības attieksmēs un savstarpējā nosacītībā.

Продуктивность и употребительность аффиксов латышского языка

1. Словообразовательные приёмы и средства характеризуются, с одной стороны, системной значимостью в языке, с другой стороны, — использованием в речи. В этой связи предлагаются два свойства словообразовательных средств: продуктивность и употребительность. Иногда вводится и третья характеристика — активность средства (или модели).

2. Для познания системы словообразования важнее первая характеристика — продуктивность, под которой обычно понимается способность словообразовательного средства активно участвовать в образовании новых слов. Разумеется, более глубокому проникновению в систему словообразования способствует определение продуктивности не только средства, но и моделей деривации.

Продуктивность является в большей мере количественной характеристикой и даёт сведения об объёме словообразовательного ряда, то есть о количестве производных слов конкретным словообразовательным средством. Необходимость и возможность выявления данных такого рода в первую очередь относится к аффиксам, которые можно задать списком, так как количество их в конкретном языке на данный период конечно.

3. Выяснение продуктивности аффиксов, фактически являющейся их словарной частотой, велась на базе обратного словаря латышского языка [Soida, 1970; Soida, 1999], а также используя обратные частотные списки публицистических, научно-технических и художественных текстов, имеющиеся в частотном словаре латышского языка [Jakubaite, 1966–1976].

4. Однако обратные частотные списки в первую очередь служили основой для выявления употребительности аффиксов, то есть их текстовой частоты, или суммарной частоты слов с конкретным аффиксом. Как видно, эта характеристика полностью имеет количественный и статистический характер.

5. На основе вышеназванных источников были вычислены величины, характеризующие продуктивность и употребительность суффиксов существительных, прилагательных и глаголов, а также префиксов глаголов. Продуктивность аффикса представлена его долей (относительной частотой) в процентах от общего количества слов данной части речи, а употребительность — долей в процентах от общего количества словоупотреблений конкретной части речи.

С учётом 99,5 % доверительного уровня найдены соответствующие доверительные интервалы долей в генеральной совокупности языка (для продуктивности) и доверительные интервалы долей в генеральных совокупностях соответствующих текстов (для употребительности). Далее интервалы сопоставлены между собой и аффиксы упорядочены по убывающей частоте. В докладе приводится совокупность этих данных.

6. На следующем этапе исследования проверяется, влияет ли употребительность аффиксов на их продуктивность. На примере суффиксов прилагательных обсуждается вопрос и динамика функционирования аффиксов в латышском языке.

Viktorija Kuzina (Rīga)

Latviešu valodas vārddarināšanas vienību statistiskā analīze

Latviešu valodas vārddarināšanas sistēma bagātīgi tiek lietoti dažādi vārddarināšanas afiksi (sevišķi substantīvu darināšanā) un diezgan krasi iezīmējas robežas starp vārdšķirām. Par to liecina statistiskie pētījumi, kas veikti uz „Latviešu valodas inversās biežuma vārdnīcas” (1976) pamata. Inversais vārdu saraksts izmantots galvenokārt, lai pētītu sufiksālo vārddarināšanu, kas tieši latviešu valodā ieņem nozīmīgu vietu. Inversajā sarakstā uzskatāmi tiek sniegts materiāls arī salikteņu pētīšanai. Informāciju par prefiksālo vārddarināšanu pētnieki iegūst „Latviešu valodas biežuma vārdnīcas” alfabētiskajā biežuma saraksta.

Morfoloģiskās statistikas rezultātiem ir nozīmīga vieta gan tīri lingvistisku, gan praktisku problēmu risināšanā.

Afiksū funkcionēšanu kvalitatīva aspektā raksturo afiksa biežums vārdnīcā, tas ir, dažādu vārdu skaits ar šo afiksu, un afiksa biežums tekstā. Afiksū statistiskie raksturojumi nepieciešami ne tikai morfēmiskās, bet arī vārddarināšanas analīzes sakarā.

Vārddarināšanas sistēmas nozīmīgākie raksturojumi ir: modeļu produktivitāte (vārddarināšanas līdzekļu spēja veidot jaunus vārdus) un regularitāte, kas cieši saistīti ar biežuma jēdzienu.

Lai raksturotu vārddarināšanas vienību aktivitāti, jāņem vērā šīs aktivitātes divi aspekti — jaunu vārdu veidošanas spēja un teksta veidošanas spēja. Teksta statistiskā analīze atklāj valodas vienību (sufiksu, prefiksu u.c.) funkcionēšanu valodā. Lai konstatētu, kā valoda izplatīti vārdi, kas atbilst tam vai citam derivatīvajam modelim, jāņem vērā šo vārdu variabilitāte tekstos.

Par kādas valodas vienības aktivitāti valodā var spriest, pārbaudot, vai šī aktivitāte nav saistīta ar kādu atsevišķu tekstu tipu.

Referātā tiks analizētas nomenu un verbu izskaņas, kas sastopamas „Latviešu valodas inversajā biežuma vārdnīcā”, kas dod iespēju noteikt afiksū biežumu tekstā.

Nomenu, it īpaši lietvārdu sufiksi ir ļoti atkarīgi no tekstu tipa.

Verbu izskaņas atšķirībā no substantīvu izskaņām parāda lielu stabilitāti, jo to rangū sadalījums dažādiem tekstu tiptiem gandrīz nemainās.

Vilija Lazauskaitė-Ragaišienė (Vilnius)

Dēl priesagos *-ynas* vedinių kirčiavimo pietinėse aukštaičių tarmėse

Iš tarmių žodynų, tekstų, akademinio „Lietuvių kalbos žodyno“ ir kt. surinkta medžiaga rodo, kad pietinėse aukštaičių tarmėse egzistuoja du dviskiemenių *o*-kamienių daiktavardžių kirčiavimo modeliai: pastovaus kirčiavimo (pvz., *kálnai, kálnų, kálnams, kálnus...*) ir kilnojamojo (pvz., *kalnai, kalnų, kalnams, kálnus / kalnùs*) ir kt. [Lazauskaitė, 1999, 22].

Pietų aukštaičių ir rytų aukštaičių vilniškių tarmėse (ypač paribio šnektose) priesagos *-ynas* vediniai kirčiuojami pagal apibendrintą kilnojamojo kirčiavimo modelį (3 a. p.), plg. *alksnynai* LzŽ, Dv (LKŽ), *alksnynų* Ad, Dglš, Alk, Kč (LKŽ R), *alksnynams* Vs (LKŽ K), *alksnynus / alksnynùs* Krkš (LKŽ K) ir kt. Jis iš vartosenos baigia išstumti

pastovaus kirčiavimo paradigma, plg. *alksnýnai* Brsl (LKŽI 105), *alksnýnų* Vlk (LKŽ K), *alksnýnams* Rdm (LKŽ R), *alksnýnus* Kč (LKŽ K) ir kt. Kilnojamojo kirčiavimo modelio senumą šiose tarmėse patvirtina ir vietovardžių daugiskaitos formos, plg. *Karklynai* (3) Dubėnų ap., Alytaus r. ir Noragėlių ap., Lazdijų r., *Kelmynai* (3) Rudaminos ap., Lazdijų r., *Liepynai* Paluknio ap., Trakų r., *Šilynai* (3) Rūdiškių ap., Trakų r.

B.Stundžia [Stundžia, 1981, 192] yra pastebėjęs, kad pietinių aukštaičių tarmėse priesagos *-ýnas* vediniai vartojami kuopinės daugiskaitos reikšme. P.Skardžiaus [Skardžius, 1943, 266] žodžiais tariant, su šia priesaga pirmiausia sudaromi kolektyvinės reikšmės vediniai (nomina collectiva). Taigi priesagos *-ýnas* daiktavardžių kirčiavimas pagal trečiąją akcentinę paradigmą paprastai siejamas su kuopinės daugiskaitos išlaikymu [Stundžia, 1995, 62]. Sutapus paprastosios ir kuopinės daugiskaitos formoms su *-ai* [Stundžia, 1994, 21] (taip pat žr. [Mikulėnienė, 1994, 18; Mikulėnienė, 1996, 152]), daugiskaitos galininko galūnėje pasitaikęs priesagos *-ýnas* vedinių kirčiavimas aiškintinas kaip paradigmos išlyginimo atvejis, pvz., *alksnynùs* Krkš (LKŽ R), *beržynùs* Bd, Lp, Zt (LKŽ K), *karklynùs* Kč, Dv (LKŽ R), *kupstynùs* Vlk (LKŽ K), *pušynùs* Dglš (LKŽ K), *skiedynùs* Grv (LKŽ K), *smėlynùs* Vs, Zt (LKŽ K), *švendrynùs* Rdm (plg. *alksnynai*, *beržynai*, *karklynai*, *pušynai* ir pan.). Juolab kad pagal tą patį modelį kirčiuojami ir akūtinės šaknies dviskiemeniai *o*-kamieniai daiktavardžiai, plg., *beržùs*, *grūdùs*, *kelmùs*... (plg. *beržai*, *grūdai*, *šaukštai*...) ir kt. [Mikulėnienė, 1986, 152].

Aptariant priesagos *-ýnas* daiktavardžių akcentinių paradigmų formavimąsi būtina atkreipti dėmesį į vedinių semantiką ir pamatinių žodžių kirčiavimą. A. Girdenis [Girdenis, 1972, 70] teigia, kad prieš Sosiūro ir Fortunatovo dėsni priesagų vediniai paprastai išlaikydavę pamatinio žodžio akcentinę paradigmą, t. y. turėjo būti kirčiuojami dvejopai: šaknyje ir galūnėje (pagal 1 ir 3 a. p.), plg. **pùšynas* → *pušynai*, **úosynas* → *úosynai* ir pan. Tokiu atveju tikėtina, kad tai galėjo turėti įtakos apibendrinant priesagos *-ýnas* vedinių kirčiavimą pagal trečiąją akcentinę paradigmą.

Apibendrintas priesagos *-ýnas* daugiskaitos kilnojamojo kirčiavimo modelis turėtų veikti ir priesagos kirtį išlaikiusias vienaskaitos formas. Tačiau tokių atvejų pietinių aukštaičių tarmėse fiksuojama tik keletas, pvz., *alksnynù* Rdm (LKŽ K), *pušynù* Švnc (LKŽ K), *beržynè*, *liepynè* Vs, Zt (LKŽ K). Galbūt priesagos *-ýnas* vedinių vienaskaitos formų kirčiavimą pagal pirmąją akcentinę paradigmą reikėtų aiškinti ne tik jų retesniu vartojimu (kaip rodo surinkta medžiaga, šalia vyraujančių daugiskaitos formų dažniau vartojamas tik vienaskaitos vardininkas), bet ir skirtingų kirčiavimo modelių egzistavimu: vienaskaitos — pastovaus, daugiskaitos — kilnojamojo.

Visa tai rodo, kad priesagos *-ýnas* vedinių apibendrintą pietinių aukštaičių kilnojamojo kirčiavimo modelį, reikėtų laikyti seniai susiformavusiu reiškiniu.

Literatūra

- Girdenis, 1972 — A.Girdenis. Lietuvių kalbos vardažodžio priesagų kirčio susiformavimas. // Baltistica. I priedas. Vilnius, 1972. — p. 66–72.
- Лаззаускайте, 1999 — В.Лаззаускайте. Об окситонезе имён существительных *o*-основы в южно-аукштайтском диалекте и в восточно-аукштайтском говоре виленчан (vilniškiai). // Материалы XVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 1. Секция баллистики. 2–4 марта 1999 г. „Проблемы фонетики и акцентологии балтийских языков“. Тезисы докладов. Санкт Петербург, 1999. — с. 21–22.
- Mikulėnienė, 1994 — D.Mikulėnienė. Dėl *o*-kamienių daiktavardžių raidos. // Lietuvių kalba: tyrėjai ir tyrimai. Pranui Skardžiui (1899 03 26 — 1975 12 18) paminėti. Konferencijos pranešimų tezės. Vilnius, 1994. — p. 17–18.

- Mikulēniē, 1996 — D.Mikulēniē. Dēl linksniuojamū žodžiu kirčiavimo variantū pietinēse aukštaičiu tarmēse. // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 36. Vilnius, 1996. — p. 148–155.
- Skardžius, 1943 — P.Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Stundžia, 1981 — B.Stundžia. Daugiskaitiniai asmenvardiniai oikonimai ir jų reikšmė linksniavimo bei kirčiavimo sistemų rekonstrukcijai. // Lietuvių onomastikos tyrinėjimai (Lietuvių kalbotyros klausimai. T. 21). Vilnius, 1981. — p. 185–198.
- Stundžia, 1995 — B.Stundžia. Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.

Lidija Leikuma (Rīga)

Morfologiskās savdabības pirmajā Sanktpēterburgā izdotajā latgaliešu grāmatā

1. Kopš latgaliešu rakstības sākumiem līdz 19. gadsimta 70. gadiem latgaliešu grāmatas pamatā iespiestas Viļņā (galvenokārt misionāru vai baziliāņu ordeņa, kā arī privātajās A.Dvožeca, J.Zavadzka, A.Marcinovska spiestuvēs) un Polockā (jezuītu vai pijāru ordeņa spiestuvēs). Ap 19. gadsimta vidu tās sāktas izdot arī citur: Rīgā pie L.Hartunga un E.Plātesa, Tērbatā pie H.Lākmaņa. Pirmā latgaliešu grāmata, kas izdota pašā Latgalē, ir ābece „Eysa mociba del mozu barnu” 1855. gada pārspiedums.

1849. gadā Iversena tipogrāfijā Pēterburgā iespiesta Miķeļa Jackeviča „Gromatiņa..” (turpmāk — „Gruomatiņa”) — populārzinātniska brošūra par atturības biedrībām un dzeršanas kaitīgumu. Grāmatiņas poligrāfiskās savdabības (arī drukas kļūdu daudzums, diakritisko zīmju atšķirīgs lietojums salīdzinājumā ar citiem tā laika latgaliešu avotiem) acīmredzot skaidrojamas ar tipogrāfijas iespējām.

2. „Gruomatiņa” nav vienīgais M.Jackeviča darbs un nav arī oriģinālsacerējums, bet savdabīgs divkāršs pārlikums: K.K.Dēbnera „Ziņas par sātības biedrībām” (1837), no tām — J.S.Mieleškas „Knygelė apie žinias draugystės nusicurėjimo, arba pamokymas kaip reik girtybę pamesti” (1846), no tās — M.Jackeviča „Gruomatiņa da zynuošonu pizatureišonas draudzeibu vai pavuiceišona, kai vajag dzeršonu puorstuot un nu brandvīns dzierīņa vai cyta stypra atjiukt” (1849).

Leišu valodas iespaids saskatāms vairākās Latgales izloksnēm neraksturīgās formās un atvasinājumos, kas parādās jau „Gruomatiņas” titullapā: *jztszsnj* = *iztišni* ‘tieši, no vienas vietas’, *klasztorniks* ‘mūks’, *wiersyniks* ‘priekšnieks’, iespējams, arī konstrukcijā *pa latvišskam*. Līdzīgi arī tekstā: *wins waldonas* ‘valdnieks’ (9), *barni.. sektiey* ‘seko’ (20), *mista Nau-Jorka* ‘Ņujorkas’ (20), *tu zieme* ‘to zemi’ (5), *milok* ‘mīlo!’ (32), *pisysij* ‘piesējās’ (3), *pardawowa* ‘pārdeva’ (30), infinitīvi ar *-ti*. 20. lappusē imperatīvs *apsižāloj* ‘apžēlojies!’ uzskatāms par sastingušu reliģisku tekstu formu. Partikula *net* ‘pat’ latgaliešu tekstos ir jau kopš 1753. gada evaņģēlijiem.

3. Par vairākām „Gruomatiņā” sastopamām dažādu vārdšķiru savdabīgām gramatiskajām formām korektus secinājumus liedz izdarīt pieraksta nekonsekvences. Piemēram, vai atvasināto verbu pagātne, kā *navarēje* ‘nevarēja’ (31), *dagoje* ‘pienāca’ (36), *porgoje* ‘pagāja’ (37), ir vietējo izlokšņu forma vai neprecīzs autora pieraksts (vēl biežāk sastopamas ir regulārās formas ar *-ja*)? Ja pagātne ar *-ja* pierakstīta pēc dzirdētā, būtu jāsecina, ka M.Jackevičs ir atspoguļojis reālas nautrāniešu formas. Ka tādas viņš tiešām ir saklausījis, apliecina verbs *waico* ‘meklēja’ (16), atvasinājumi ar piedēkli *pro-*: *ir prodzieruszy* ‘ir nodzēruši’ (30), *prołodieyta* ‘nolādēta’ (31), *naprolayda* ‘nelaida garām’

(29), adjektīvs *nuzaturieygis* ‘noturīgais, atturībnieks’ (41) ar galotni *-īs*, ne regulāro latgaliešu rakstu formu ar *-ais*. Savukārt nav saprotami *ā-* celmu infinitīvi ar *-eit*, kā 30. lappusē *daréyt* ‘darīt’ vai *apmonieyt* ‘apmānīt’, kuri Nautrānos un daudzviet citur Austrumlatgalē beidzas ar *-ēt*.

Nautrāniešu runai īsti neatbilst arī refleksīvās morfēmas lietojums aiz attiecīgiem piedēkļiem. „Gruomatiņā” ir gan *atsa-*, *nūza-*, *daza-*, gan arī *apsa-* un *apza-*, *paza-* un *pasa-*, *saza-* un *sasa-*, *porza-*. Tātad latgaliešu rakstības normatīvās formas ar *-sa-*, ko M.Jackevičs droši vien bija mācījis Krāslavas Garīgajā seminārā vai no lejaslatviešu un augšlatviešu rakstu avotiem, autora apziņā un, saprotams, arī grāmatiņā ir saplūdušas ar diendienā dzirdamo vietējās izloksnēs („Neuteranu bazneickungs” M. Jackevičs bijis apmēram 30 gadus). Līdzīgi var teikt arī par „Gruomatiņas” kondicionāļa formām. Senisks šeit ir daudzu apstākļa vārdu un lietvārdu formu lietojums, kā arī dažas citas šeit neminētas verbu formas.

4. Kļūdainiem rakstījumiem pilnajā M.Jackeviča „Gruomatiņā” tomēr netrūkst vārdu un formu, kas lieti noderīgi latviešu valodas vēstures pilnīgākā izpētē.

Kristīne Levāne (Rīga)

Latviešu valodas morfoloģiskās marķēšanas izstrāde

Datorizācija, tekstu uzkrāšana un pētniecība nav 20. gs. beigu modes tendence, bet vitāla nepieciešamība, lai neatkārtotos tā saucamais Gūtenberga efekts, ka tās valodas, kuras nav pieejamas drukātā veidā, attiecīgi mūsdienās — elektroniskā veidā, izmirst. Latviešu valodas datorfonds jeb korpus ir jauna un maz pētīta datorlingvistikas disciplīna Latvijā, par ko liecina arī vēl nenostiprinājusies terminoloģija. Korpusu lingvistika paver plašas dabiskās valodas pētniecības iespējas visos tās līmeņos, izmantojot mūsdienīgus pētniecības līdzekļus; ļauj analizēt valodas salīdzinošā aspektā, kā arī analizēt tekstu, teikumus, vārdus, vārdformas. Tā nav teksta mākslīga radišana.

Nelielais uzkrātais latviešu datorfonds jeb valodas korpus LU MII Mākslīgā intelekta laboratorijā ir sasniedzis aptuveni 30 miljonu vārdlietojumu apjomu. Teksti tika savākti dažādu projektu ietvaros pateicoties Kultūrap kapitāla fonda, Latvijas Zinātnes padomes, Sorosa fonda—Latvija un Eiropas Savienības atbalstam. Tomēr valodas korpus nav tikai uzkrāti teksti — tie ir arī jāmarķē, lai varētu pilnīgāk izmantot valodas korpusu zinātniskiem mērķiem un, piemēram, valodas apmācībā, meklējot dzīvās valodas piemērus datorfondā un to reālu lietojumu valodā, kā arī paralēlo korpusu veidošanā. Paralēlie korpusi ir vairāku valodu vienādi teksti sastatīti kopā, tādā veidā lietotājs var skatīt vārda nozīmi vienā valodā un tad citā, salīdzinot un analizējot, arī apgūstot tās.

Marķēšanas principu izstrāde ir uzsākta Eiropas Savienības projekta ELAN (*European Language Activity Network*) un projekta „Latviešu Teksti Datortīklā” (ar KKF atbalstu) ietvaros, kā rezultātā ir daļēji izveidota SGML (*Standard Generalized Markup Language*) (ISO 8879 standarts) marķēšanas programma, kas, izmantojot formālas iezīmes, marķē teikumus, rindkopus, citātus. SGML marķēšanas valoda ir starptautiski atzīts standarts, ko lieto daudzas Eiropas valstis, pakļaujot noteiktos standartus savām valodas īpatnībām.

Nākamais solis tekstu korpusa anotēšanā ir morfoloģiskā marķēšana, tas ir, automātiska morfoloģiskās informācijas novietošana aiz katra vārda (izņēmums ir gadījumi, ja vienu leksisku nedalāmu vienību veido vairāki vārdi, piem., saiklis *ne vien, bet arī*, jo dažos gadījumos, analizējot tos atsevišķi, zudīs loģiskā jēga).

Morfoloģiskās marķēšanas programma tika aizsākta ar KKF fonda atbalstītu projektu „Latviešu Teksti Datortīklā”, bet tagad tiek turpināta ar KKF fonda atbalstu projekta „Latviešu valodas korpusa marķēšanas principu izstrāde” ietvaros.

Marķējot tiek izmantoti starptautiskie apzīmējumi, piemēram, N — lietvārds, V — darbības vārds u.tml., kas ir izstrādāti, pamatojoties uz angļu valodu, bet standartizēti MULTEXT — EAST projekta ietvaros. Tie tika piemēroti latviešu valodas vajadzībām, apzinot tās kategorijas latviešu valodā, kuras programmai būtu jāmarķē. Tika izmantoti jau agrāk LU MII Mākslīgā intelekta laboratorijā aizsāktie pētījumi par morfoloģisko marķēšanu un tās programmām. Katra vārdšķira šajā gadījumā tiek analizēta nedaudz atšķirīgi nekā ierastajā morfoloģiskajā analizē, jo, analizējot vārdus ar datora palīdzību, ir jāstopas ar daudzām tehniskām un cita veida grūtībām. Grūtības rada izņēmumi un dažādas specifiskas pazīmes latviešu valodā. Atsevišķas uzmanības cienīgi šķiet, piemēram, tā saucamās kopdzimtes lietvārdi, kam tika pievienota norāde *b*, lai nosacīti atzīmētu, ka vīriešu un sievietes dzimtes vārdiem ir vienādas formas visos locījumos, izņemot Dat.Sg. (*Priedem* (masc.) un *Priedei* (fem.)) un par dzimti var bieži spriest tikai pēc konteksta, resp. pēc apzīmētāja formas: (*labs / laba pažiņa*). Abreviatūras tiek atzīmētas atsevišķi, kaut gan latviešu valodā tās īpaši izceltas valodas analizē netiek.

Tikai morfoloģiski marķētus tekstus datorfondā var tālāk izmantot valodas analīzei dažādos līmeņos: dažādu vārdnīcu veidošanai (biežuma, homonīmu un citu), kā arī citiem zinātniski pētnieciskiem darbiem; morfoloģiski marķētā korpusā ir iespējams atrast visas vārdformas un vārdlietojumus, precīzi nosakot to vārdšķiras, piemēram, *roku* kā lietvārda vārdforma un *roku* kā darbības vārda forma.

Morfoloģiski analizējot latviešu valodas tekstu ar datora palīdzību, labāk ir izvēlēties jaunāku, mūsdienās rakstītu dažāda veida literatūru, jo, analizējot latviešu literatūras vecmeistaru darbus, atšķiras dažas literārās valodas normas no mūsdienās pieņemtajām, kā arī sastopamas daudzas izlokšņu formas, kuras programma nespēj analizēt. Piem.: *Kājauts uzlēca stāvu un gāzās Pēteram no pakaļas virsū — Pēteram —* tekstos sastopam morfoloģiskos variantus kā I un II deklinācijas lietvārdus.

Pagaidām morfoloģiskā marķēšana tiek veikta pusautomātiski un ievērojama darba daļa tiek veikta „ar rokām”. Jāpiemin, ka iepriekš tika izstrādāta morfēmiskās marķēšanas analīzes programma, kura automātiskā režīmā veica vārdformu morfēmisko analīzi, taču morfoloģiskais analizētājs latviešu valodai pagaidām ir tikai zemākajā līmenī un vispārējā analīze tiek veikta nepilnīga.

Latviešu valoda no morfoloģijas viedokļa ir pietiekami sarežģīta, lai programmatūra atpazītu visas valodas kategorijas.

Ilze Lokmane (Rīga)

Vārdformas gramatisko nozīmju loma teikuma sintaktiskajā struktūrā

1. Valodas saturs nav viendabīgs. Sintaksē kā augstākajā valodas līmenī ir būtiski visi nozīmju veidi. Teikuma semantiku veido:

- 1) specifiski sintaktiskas jeb teikuma līmeņa nozīmes,
- 2) ar vārdu un vārda formu saistītas nozīmes.

Tātad teikums apvieno vairākas dažādu abstrakcijas līmeņu nozīmes.

2. Sintaktisko funkciju realizācijā ir svarīgas šādas vārda formas nozīmes:

- 1) vārdformas vispārinātā leksiskā semantika (piemēram, *būt* eksistenciālā, piederības un atrašanās nozīmē veic patstāvīgu sintaktisku funkciju),
- 2) vārdšķiras semantika (piemēram, lietvārda priekšmetiskums saistās ar teikuma priekšmeta funkciju),
- 3) gramatiskās formas vispārinātā semantika (piemēram, datīvs kā tipisks objekta locījums un nominatīvs kā tipisks subjekta locījums).

Šīs pazīmes praktiski atbilst G.Zolotovas izvirzītajam sintaktiskās formas jēdzienam.

3. Katrai sintaktiskai formai ir primāras un sekundāras funkcijas. Līdz šim plašāk aplūkotas vārdšķiru primārās un sekundārās funkcijas (Kurilovičs, Laionzs, Gaks, Bondarko u.c.). Vārdforma veic primāru sintaktisku funkciju, ja vārdšķiras kategoriālā nozīme sakrīt ar sintaktisko nozīmi (piemēram, īpašības vārds nosauc priekšmeta pazīmi, un tāda pati funkcija ir apzīmētājam — tātad īpašības vārda primārā sintaktiskā funkcija ir apzīmētājs). Primāras un sekundāras sintaktiskas funkcijas ir arī gramatiskajai formai (lietvārda nominatīva primārā funkcija ir teikuma priekšmets, datīva un akuzatīva primārā funkcija — papildinātājs).

4. Ja vārdforma lietota primārā funkcijā, pastāv simetrija starp vārdformas nozīmēm un tīri sintaktiskām nozīmēm. Ja vārdforma lietota kādā no sekundārām funkcijām, starp šīm nozīmēm pastāv asimetrija. Tas ļauj dažādi interpretēt dažu vārdformu sintaktiskās funkcijas (piemēram, datīvs debitīvā, nominatīvs pasīvā u.c.)

5. Vārdformas sintaktisko funkciju interpretācijā nepieciešama kompleksa pieeja — visas iepriekšminētās nozīmes jāskata sistēmā. Turklāt jāņem vērā sintaktiskās formas apkaime jeb sintagmātiskie sakari ar citām vārdformām teikumā, kā arī paradigmātiskie sakari ar līdzīgām parādībām, respektīvi, sintaktisko parādību vieta sistēmā.

Аста Ляскаускайте (Вильнюс)

К вопросу об акцентуации композитов в южно-аукштайтском диалекте

Словообразовательные модели композитов южно-аукштайтского диалекта похожи на встречаемые в литературном языке [DLKG, 150–167]: N+N (*puzbrū.l%ū* ‘двоюродного брата’ Крчм), N+Num (*pustra.cū* ‘два с половиной’ Крчм), N+V (*nakcigo.n%ē.n* ‘в ночную’ DTŽ), Adj+Adj (*nemielađirdi.Nga* ‘немилосердная’ Srj), Adj+N (*viedakel%ū* ‘большой дороги’ Крчм), Pron+N (*anu.Zien* ‘на днях’ DTŽ), Pron+Adj (*k%it%ipo,s* ‘иначе’ DTŽ), Num+N (*vienu.Zien* ‘однажды’ Крчм), Num+Num (*ađtuon%azd%e.đimts* ‘восемьдесят DTŽ), V+N (*n%epraustabu.rnis* ‘неотёсанный человек’ DTŽ), Praep+V (*p%erna,kc* ‘целую ночь’ DTŽ) и др.

Склоняемые композиты бывают двух типов: с постоянным ударением и с подвижным ударением. Композиты обоих типов далее делятся на подтипы. Подтипы парадигм с постоянным ударением: 1) ударение получает первый компонент (*ðū,NkĀul%* ‘ребра’ Ndz), 2) ударение получает соединительный гласный (*virðugĀl%* ‘макушки’ Kč), 3) ударение получает второй компонент (*mE.l%.nano,s%u* ‘пьяниц’ DTŽ) (литературному языку этот подтип не свойствен, см. [Stundžia, Mikulėnienė, 1989, 83]). Подтипы подвижных акцентных парадигм: 1) ударение перемещается с конечного слога на первый компонент (*kailėdari,s* ‘меховщик’ Kč), 2) ударение перемещается со второго компонента на конечный слог (*sanamer%gĒ* ‘старая дева’ Kрč). Композиты, как с постоянным, так и с подвижным ударением, бывают с просодическими чередованиями (*pvakigali* ‘огарок’ Srj, *skustagĀlvei* ‘стиляги’ Ndz), а также и без них (*duonkepin* ‘в печь для печения хлеба’ Kč, *peėedaNksti* ‘заслонку’ Lš). Иногда один и тот же композит акцентируется двояко (*ðienvirpĒ*, и *ðienvirpĒ* ‘жердь, чтобы прижимать сено к подводе’ Kč, *pilekalni* ‘курган’ Švn и *pilæ.kalni(s)* ‘курган’ Mrs). В некоторых случаях [Stundžia, 1992, 16–17], сохраняется первичное ударение.

Несклоняемые композиты акцентируются как склоняемые с постоянным ударением (*p%N.ktu.ros* ‘пятый раз’ DTŽ, *tu,nakc* ‘в ту ночь’ DTŽ).

Кроме главного ударения, композиты могут иметь и второстепенное ударение. Нет сомнений, что составные числительные от 30 до 90 реализуются с двумя ударениями [DTŽ; Markevičienė, 1999; Mikalauskaitė, 1975, 139 и др.]. Кроме них, второстепенное ударение чаще всего получают те композиты, у которых первым компонентом является числительное или местоимение, а вторым — слова *kartas* ‘раз’, *s kis* ‘раз’, *rozās* ‘раз’, *diena* ‘день’, *naktis* ‘ночь’ и т.п. (*vienaškart* ‘один раз’ Sem, *tš,\$nakc* ‘в ту ночь’ Dsm, *\$visapim* ‘всю зиму’ Nmn, *vienušik* ‘один раз’ Švn, *kiekšvieniu.nĀ,kc%* ‘каждую ночь’ Švn, *\$pi,rmu.rūs* ‘первый раз’ Rtn), а также слово *a.mpinaa,tilsī* ‘вечный покой’ Srj. Такая акцентуация показывает, что эти композиты, как и вышеуказанные составные числительные, сформировались недавно. Но другие композиты очень часто в литературе приводятся только с одним ударением [Grinaveckis, 1991; LKT; DTŽ и др.].

Как можно судить по результатам анализа тона и интенсивности, полученным программой PRAAT386, у склоняемых композитов (существительных и прилагательных), имеющих главное (постоянное или подвижное) ударение на первом компоненте, вторичное ударение падает на слог, следующий через один после слога с главным ударением (*kĀ,ilæšdarus* ‘меховщики’ Kč) (ср. и [Mikalauskaitė, 1975, 139]). В тех случаях, когда главное ударение (постоянное или подвижное) падает на второй компонент, на первом компоненте ударение или вовсе не сохраняется, или остаётся на том же месте, что и в производящем слове (*\$pastargalini* ‘задний’ Kč).

Литература

- DLKG — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1994.
 DTŽ — G.Naktinienė, A.Paulauskienė, V.Vitkauskas. Druskininkų tarmės žodynas. Vilnius, 1988.
 Grinaveckis, 1991 — Grinaveckis V. Lietuvių tarmės. Fonetika. Morfologija. Vilnius, 1991.
 LKT — Lietuvių kalbos tarmės: Chrestomatija. Vilnius, 1970.
 Markevičienė, 1999 — Markevičienė Ž. Aukštaičių tarmių tekstai. I dalis. Vilnius, 1999.
 Mikalauskaitė, 1975 — Mikalauskaitė E. Lietuvių kalbos fonetikos darbai, Vilnius, 1975.

- Stundžia, 1992 — B.Stundžia. Dūrinių kirčiavimo reliktai rytų ir pietų aukštaičių tarmėse. // Lietuvių kalbos tarmės ir jų tyrinėjimai: A.Saliui (1902 07 21 — 1972 07 31) paminėti: Konferencijos pranešimų tezės (1992 m. lapkričio 5–6 d.). Vilnius, 1992 — p.16–17.
- Stundžia, Mikulėnienė, 1989 — B.Stundžia, D.Mikulėnienė. Dūrinių kirčiavimo dėsniumai. // Kalbotyra. T. XL(1), 1989. — p.83–91.

Райта Макаре (Рига)

Источники синонимии в морфологии

Исходной точкой синонимии является общая семантика материальных показателей языка. В языкознании для обозначения такого совпадения семантики языкового знака используются разные термины (синонимия, конкуренция, вариативность и т.д.).

Под термином синонимия в связи с нашей тематикой понимается совпадение по основному значению (по значению главного компонента) разных материальных показателей языковых знаков. Это явление довольно глубоко осознано и изучено в области лексики, но в грамматике синонимия — область, нуждающаяся в более основательном исследовании.

В грамматике, особенно в морфологии, не очень богата система вариантов материальных показателей морфологической формы (как, например, *brālim* — *brālam*, *рукой* — *рукою*, *šāds* — *šitāds*, *этом* — *этаким*); к этой проблематике не относятся случаи, когда различные материальные показатели форм выражают одно и то же значение (*brāļa* — *mātes* — *rokas*, *брата* — *матери* — *руки* и т.д.).

Но в целом синонимия морфологических форм довольно богата и её главные источники двояки:

- 1) синонимика одной морфологической формы, которую выражают разные материальные показатели;
- 2) синонимика, которая базируется на полисемии разных форм.

Так, например, превосходная степень имеет несколько синонимов (*visskaistākais* — *pats skaistākais*, *красивейший* — *самый красивый*), синонимы представлены и в форме 2 Pl. простого будущего времени (*izlasīsīt* — *izlasīsiet* ‘прочитаете’) и т.д.

Но более богатым источником синонимии в морфологии является полисемия разных форм (обычно одной категории).

Так, например, форма каждого склонения имеет несколько значений. Несколько значений имеет и неопределённая форма, и отдельные её значения синонимичны значениям изъявительного, сослагательного, повелительного, пересказывательного, долженствовательного склонений.

Также настоящее простое кроме своей основной функции может выступать как синоним простого будущего, сложного прошедшего, а также с обобщающим значением времени.

Если руководствоваться выдвинутым выше предположением, то в основе обоих названных источников синонимии лежит семантика языкового знака: в одном случае одна форма — синонимические значения, в другом — разные формы с синонимическими значениями.

Conjugation and Derivation. A Theoretical View of Latvian Verb Morphology

It is traditional to discuss conjugational classes in terms of inflectional endings, in that inflectional endings form the basis for classifying verbs into conjugations. In Latvian, however, inflection is not really a basis for classifying verbs into conjugations, derivation being an important factor in distinguishing one type of verb from another. In order to justify this, it is necessary to posit a theory of the principles of lexical classification and grammatical function, which is the main purpose of this paper. Henceforth will follow an enumeration of claims made that will be substantiated in the body of the paper.

1. There are two main lexical classes in Latvian: nouns and verbs that form the basis for two systems of morphology: the nominal and verbal. Included in the nominal system are the following lexical classes: nouns, adjectives, pronouns, numerals; verbs, their finite and infinite forms, in the other.
2. The grammatical categories: nouns (pronouns, numerals), adjectives, verbs are morphological categories, i.e. they are inflected when used in syntax.
3. Morphological categories operate on the principle of: root+affix+inflection, but affixes are not only semantic morphemes, they may be both semantic and grammatical. Similarly, the inflectional morpheme may also have a semantic load besides its grammatical function. The root, however, is semantic, affixes and inflections being the means for lexicalization of the roots.
4. Affixes may effect either a change in semantics or a category change.
5. The two morphological systems are basically different in that the declensions of the nominal system are based solely on stem +inflectional paradigms whereas the conjugational system is based on stem + inflection or desinence, i.e. a combination of affix and inflection where the affix may be manifest totally or partially throughout the paradigm.

These principles allow us then to treat verbs both as primary grammatical categories and derived grammatical categories operating on one basic system. Thus the grammatical system is quite uniform: the sets of endings indicating present, past and future are basically the same for all verbs with minor variation, the present and past being differentiated either through variation of the stem or the principle of maximal differentiation in inflection. In traditional terms, this would indicate that there is only one conjugation in Latvian. However, since grammatical and semantic morphemes are not discrete, iconic units and since there is some variation of the inflectional system, three major classes of verbs may be discerned. The reason that Latvian verbs behave differently from verbs in many other languages is that the derivational patterns are discernible and classifiable which is not often the case for derivation.

Варианты форм настоящего времени глаголов с суффиксом *-in-* в тексте фрагмента „Lettische Postill“ (1654) Г.Манцеля

1. Я.Эндзелин отмечает, что у глаголов, имеющих в настоящем времени формы на *-in(āj)u* resp. *-en(āj)u*, вместо *-in-* в некоторых говорах латышского языка встречается *-en-*, а верхнелатышских говорах *-an-* [Endzelīns, 1951, 833]. Также Я.Эндзелин указывает, что „между *-en-* и *-in-* колеблется ещё Манцель, который в словаре Lettus, напр., пишет *nioputināt* рядом с *nioputenāt* „abschäumen“; *-en-* встречается также в текстах XVI века” [Endzelīns, 1951, 833 (сноска 511)].
2. В первых латышских лютеранских катехизисах [Enchiridion, 1586; Enchiridion, 1615] суффикс в глаголах данного типа встречается лишь в форме *-en-*.
3. Фрагмент текста Книги проповедей (1654) Г.Манцеля [Lettische Postill]⁹ свидетельствует, что этот суффикс *-en-* общепринят и обычен, хотя есть немного глаголов и с *-in-*. Так, во фрагменте текста Адвентской проповеди встречаются только глаголы с инфинитивом на *-enāt*: *apdāvenāt* [7 21]¹⁰; *neapgrūtenāt* [25 26]; *aicenāt* [57 19]; *apslīcenāt* [21 6]; *apstiprenāt* [14 27]; *iepriecenāt* [55 19]; *iestiprenāt* [59 13]; *pasludenāt* [61 13]; *pazūdenāt* [51 16]; *pieaicenāt* [20 19]; *sēdenāt* [7 5]; *slacenāt* [33 13]; *uzaudzenāt* [11 29]; *uzmodenāt* [20 11]. Есть также инфинитив возвратного глагола на *-enaties*: *iepriecenaties* [64 14].
4. Форм инфинитива на *-ināt* или *-ināties* в выбранном фрагменте нет. Немногие глаголы с *-in-* встречаются в форме настоящего времени: *nenicina* [15 7]; *kustinajās*¹¹ [16 31]; *vēcina* [18 28].
5. Кроме того в настоящем времени находим одну форму с *-ien-* в 3 лице: *apdāviēna* [35 9]. По-видимому, её можно считать опечаткой, так как это единственный вариант, к тому же все прочие формы глагола *apdāvināt* имеют суффикс *-en-*.
6. В словаре Мюленбаха—Эндзелина не обнаружена ни одна из приведённых глагольных форм с суффиксом *-en-*. В словаре Манцеля „Lettus” (1638) [Lettus] встречается большинство глаголов, обнаруженных в тексте фрагмента Книги проповедей, например *aicenāt* [1], *apdāvenāt* [3], *apgrūtenāt* [3], *apslīcenāt* [5], *apstiprenāt* [5], *biedenāt* [12], *dziedenāt* [23] и др.
7. В словаре „Lettus” не найдены следующие глаголы, выбранные из фрагмента Книги проповедей: *aizbildināt* (но в „Phraseologia Lettica” [Phraseologia Lettica] встречен глагол *bildināt* ‘uzrunāt’ [14]); *apbēdenāt*, *iepriecenaties* (есть *iepriecenāt* [30]), *iestiprenāt*, *kustināties* (есть *kustināt* [44]), *pasludenāt*, *pieaicenāt*, *sapulcenaties*, *satrūcenāt*, *sēdenaties* (есть *sēdenāt* [82]), *sludenāt*, *uzsēdenāt*.
8. На основе текста фрагмента Книги проповедей можно сделать наблюдение, что среди форм настоящего времени выделяется форма 2Sg., в которой всегда

⁹ Использован материал старолатышских текстов, имеющийся в Лаборатории искусственного интеллекта Института математики и информатики Латвийского университета (в электронном виде).

¹⁰ Первое число в цитатах из Книги проповедей указывает номер страницы, второе — номер строки.

¹¹ Согласно наблюдению Л.Берзиньша, возвратные глаголы в форме 3 лица настоящего времени в текстах Манцеля исходят на *-ās* [Bērziņš, 1944, 9] — это подтверждается и текстом анализируемого фрагмента Книги проповедей.

употребляется *-in-*, хотя в других лицах глагол имеет формы с *-en-*, например: *Kad tu nu nopūzdamies saki: Iepriecini mums / Dievs / mūsu Pestītais / iepriecini man ar tavu Palīdzēšanu; tad adbildā šis Kungs / no Betlēm / un saka: Es gribu jums iepriecināt / ka kāda Māte savu Bērnu iepriecina* [64 17–21]. На основе просмотра употребления форм 2Sg. в более обширном фрагменте текста можно сделать вывод о том, что в форме 2Sg. употребляется только *-in-* — как в настоящем времени индикатива, так и в императиве. Таким образом, не подтвердилась рабочая гипотеза, что здесь можно искать реализацию логического принципа орфографии, то есть стремление различать омонимичные формы 2Sg.Indic. и 2Sg.Imper. (так Манцель различает формы Gen.Pl. и Acc.Sg.: *cilvēko* и *cilvēku*). Это заставляет думать о влиянии конечного гласного на качество гласного в суффиксе.

9. Интересно, что в словарях XVII века нет единства в отношении рассматриваемых глаголов: в словаре Фюрекера отмечены только глаголы с *-in-* (например, в первом манускрипте [Fürecker-I] встречаем: *audzināt* [24], *balškināt*, *balškināties* [44], *uzdarināt* [53], *ēršķināt*, *kaitināt* [72] и т.д.; во втором манускрипте [Fürecker-II] — *izakstināt*, *paakstināt* [12], *audzināt*, *audzināties*, *ataudzināt* [29], *biedināt* [51], *drupināt* [77] и др.). В словаре Манцеля „Lettus” преобладают глаголы с *-en-*, а в немецко-шведско-польско-латышском словаре, вышедшем в 1705 году [Wörter=Büchlein] находим: *apdāvanaju* ‘apdāvinu’ [88], *iededzinaju* ‘iededzinu’ [94], *nicinaju* ‘nicinu’ [100], *pazudenaju* ‘pazudenu’ [102], *sadedzinaju* ‘sadedzinu’ [104]. Это свидетельствует о том, что в XVII веке для этих глаголов характерны варианты на *-enāt* и *-ināt*, пока не закрепляется форма на *-ināt*.

Литература

- Bērziņš, 1944 — L.Bērziņš. Valoda un izteiksme Manceļa rakstos. // Izglītības Mēnešraksts 1944, I 8.–12.lpp.; II 29.–31.lpp.
- Endzelīns, 1951 — J.Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.
- Enchiridion, 1586 — Enchiridion. Der kleine Catechismums. Königsberg, 1586. Jauns iespiedums no Rīgas pilsētas bibliotēkas eksemplāra. Rīga, 1924.
- Enchiridion, 1615 — Enchiridion. Der kleine Catechismus: Oder Christliche Zucht ..Durch D.Martin Luther. Nun aber aus dem Teudtschen in der Liefpländische Pawrsprache gebracht.. Gedruckt zu Riga in Liefpland bey Nicolaus Mollin. 1615.
- Fürecker-I — T.G.Fennel. Fürecker’s dictionary: the first manuscript. Rīga, 1997.
- Fürecker-II — T.G.Fennel. Fürecker’s dictionary: the second manuscript. Rīga, 1998.
- Lettus — T.G.Fennel. A Latvian-German Revision of G.Macellius’ Lettus (1638). Melbourne, 1988.
- Lettische Postill — Lang-gewünschte Lettische Postill.. Verfertigt Durch Georgium Mancelium Semgallum.. Erster Theil. Vom Advent biss zum Fest der Hochheiligen Drey-Einigkeit. Riga.. 1654. 555 S. und 6 unpag. S. Druckfehler. — стр. 1–100.
- Phraseologia Lettica — T.G.Fennel. A Latvian-German Revision of G.Mancelius’ Phraseologia Lettica (1638). Melbourne, 1989.
- Wörter=Büchlein — “Wörter=Büchlein”. Vārdnīciņa, kā dažas parastas lietas tiek dēvētas vācu, zviedru, poļu un latviešu valodā. 1705.gadā Rīgā iznākušās vācu-zviedru-poļu-latviešu vārdnīcas faksimiliespiedums. Ar Pēterļa Vanaga komentāriem un latviešu vārdu indeksu. Stokholma, 1999.

Aija Mitreviča (Rīga)

Gramatikas mācīšana komunikatīvi latviešu valodas kā otrās valodas apgūvē

Komunikatīvā pieeja kā otrās valodas¹² mācību metode un idejas gramatikas mācīšanai komunikatīvi praksē ienāca Latvijā 90. gadu otrajā pusē līdz ar pirmo mācību līdzekļu izstrādi un publicēšanu¹³. Šiem mācību līdzekļiem tika mērķtiecīgi izvēlēts adresāts — cittautu pamatskolas skolēni un pieaugušie iesācēji, lai latviešu valodu saziņas vajadzībām apgūtu un varētu izmantot visi Latvijas iedzīvotāji [Grīnberga, 1997].

Komunikatīvā pieeja valodas mācībās balstās uz atziņām [Šīls, 1998; Burkviča, 1999; Pāvula, 1997 u.c.], ka

- valodas apguvi virza nepieciešamība sazināties,
- valodas apgūšana visbiežāk ir neapzināts process un notiek, klausoties valodu komunikatīvā procesā,
- prioritāte tiek piešķirta mācību satura izpratnei un jēgas izteikšanai, un šī mērķa sasniegšanai kalpo valodas struktūru un leksikas apgūšana (Džo Šīls).

Tradicionāli ar latviešu valodas mācībām saprot aprakstošās, tā saucamās ārējās, gramatikas mācīšanu un mehānisku vingrinājumu izpildi ar deduktīvās metodes palīdzību, tas ir, virzību no likuma uz piemēru, kā tas lielāko tiesu turpinās latviešu skolu praksē.

Komunikatīvās pieejas atbalstītāji uzskata, ka gramatikas likumi neatstāj nekādu iespaidu uz to, kā valoda tiek pielietota. Gramatikas likumu zināšanai jādarbojas pēc monitora principa: tas, kas tiek runāts, atspoguļojas kā uz ekrāna, runātājs pats fiksē savas kļūdas un zina, kā tās izlabot (Stīvens Krašens). Sasniedzamais mērķis — komunikatīvās kompetences attīstīšana¹⁴.

Jāievēro sekojoši gramatikas mācīšanas principi (Dž. Šīla):

- nav jāizmanto mākslīgi vai nedabiski sakonstruēti piemēri gramatikas mācīšanai, lai aptvertu visus mācāmās gramatikas aspektus;
- jāveido teikumi tā, lai skolēni izprastu sakarību starp konteksta struktūru un nozīmi;
- piemēriem adekvāti jāilustrē noteikto mācību vielu;
- gramatikas mācīšanā jāievēro cikliska pieeja, tas ir, īsa gramatikas viela, kura katru reizi lietota jaunā kontekstā; gramatiskā viela var tikt izklāstīta arvien sarežģītākās komunikatīvajās situācijās, lai varētu izprast, kāda ir šo struktūru nozīme kontekstā;
- jāsniedz kognitīvā palīdzība atbilstoši konkrētās vielas grūtību pakāpei;
- jābūt īsiem paskaidrojumiem un likumiem;
- nepieciešamas tabulas vai gramatiskās vielas kopsavilkumi;
- jāpieņem dažādi skolēnu mācīšanās stili un spēju līmeņi;
- jāpamatojas uz skolēniem piemītošām domāšanas spējām un jāsasaista nezināmo ar zināmo.

Pret gramatikas mācīšanu komunikatīvi ir neviennozīmīga attieksme.

¹² „Otrā valoda — kādas valsts sabiedrības vairākuma (majoritātes) valoda, kuru mācās un apgūst minoritātes pārstāvis; tai nav jābūt otrajai apguves secīguma ziņā.” [Metodika, 1997, 101]

¹³ Piem., Latviešu valoda cittautu mācībvalodas skolas 8. klasei. Rīga, 1997; Latviešu valoda cittautu mācībvalodas skolas 9. klasei. Rīga, 1997; I. Budviķe u.c. Palīgā! Mācībgrāmata pieaugušajiem. 1. līmenis. Rīga, 1998 u.c.

¹⁴ „Uz zināšanām un pieredzi balstīta prasme efektīvi un adekvāti lietot valodu saziņā” [Metodika, 1997, 93].

1. Ļoti svarīga komunikatīvās kompetences sastāvdaļa ir gramatikas pārvaldīšana — spēja lietot valodu saskaņā ar gramatiskās sistēmas likumiem. Apgūstot otro valodu, ārējā gramatika atsevišķi netiek mācīta. Valodas mācīšanās mērķis ir gramatiskās kompetences iegūšana, tas ir, iekšējās gramatikas zināšanas.
2. Otrās valodas apguvē nepietiek tikai ar to, ka tiek izkopta laba izruna, apgūts noteikta apjoma vārdu krājums, biežāk lietotās gramatiskās struktūras, tas ir, apgūta sarunvaloda un attīstīta starppersonu sazināšanās prasmes jeb BICS (*Basic Interpersonal Communication Skills*). Otrajā valodā cilvēkam jāprot gūt jaunas zināšanas, pielietot valodas zināšanas jaunās nestandarta situācijās un pārvaldīt visus četrus valodiskās darbības veidus (runāšanu, lasīšanu, rakstīšanu, klausīšanos), akadēmisko valodas zināšanu kognitīvās prasmes — CALPS (*Cognitive Academic Language Proficiency Skills*) (Džims Kumins).

Latvijā pašlaik dominē viedoklis, ka ar komunikatīvās pieejas izmantošanu valodas mācībās, gramatika jā māca tikai tik daudz, lai attīstītu šīs BICS prasmes (sašaurināta komunikatīvās pieejas izpratne).

Literatūra

- Burkviņa, 1999 — O. Burkviņa u.c. Latviešu valodas kā otrās valodas apguves metodika. Rīga, 1999.
 Grīnberga, 1997 — I. Grīnberga u.c. Latviešu valodas prasmes līmenis. Strazbūra, 1997.
 Metodika, 1997 — Latviešu valodas kā otrās valodas apguves metodika. Rīga, 1997.
 Pāvula, 1997 — Latviešu valoda un literatūra cittautu mācībvalodas skolās. / sast. I. Pāvula. Rīga, 1997
 Šīls, 1998 — Dž. Šīls. Komunikācija svešvalodu mācībās. Rīga, 1998.

Анатолий Павлович Непокупный (Киев)

Лит. *kaliboba* ‘четвёртый муж’ как лексико-словообразовательный реликт и его соответствие в славянских языках

1. В литовской лексикографии конца XVII — первой половины XVIII вв. отражена целая система порядковых названий мужей одной женщины. Предпоследним, четвёртым, является словосложение *bobkalys*, которое в позднейших кёнигсбергских словарях литовского языка выступает и в обратной (1747) или же только в обратной (1801 и 1851) последовательности своих компонентов — *kaliboba* [LKŽ, V, 136].

2. Реликт литовской терминологии родства — это одновременно и реликт литовской деривации. Так, К. Буга [Būga, 1911, 222–223] противопоставляет компоненты *kalì-boba* (*kalti* + *boba*) и *bob-kalys* как очень редкую — регулярной: „Сложные слова с первой глагольной частью являются остатком древних времён“. Позже П. Скарджюс [Skardžius, 1943, 418], объединив „такие очень древние образования, как *kaliboba*“ с одной стороны, и антропонимы *Gedi-minas*, *Mini-gaila*, *Nori-butās* — с другой, фактически говорит о сохранении в апеллятиве соединительного гласного *-i-*, исчезнувшего в позднейших формах имён: ср. *Mingáila*, *Nórbutās*. Наконец, Я. Отрембский [Otrębski, 1965, 15] называет *kaliboba* „несколько странным сложением“.

3.0. Исследователи лит. *kaliboba* упоминают аналогичные славянские композиты, как русск. *сорви-голова*, польск. *wali-góra, liczy-krupa* и под. Однако в славянских языках существует и точное соответствие литовской форме.

3.1. Słownik staropolskich nazw osobowych [III(1) 50; VII(2) 110] зафиксировал 11 бесспорных примеров из актов 1417–1496 гг., где искомое сложение выступает как фамильное название: ср. *Nicolaus Kolibaba, nobilis Andree Wnuczek dictum Kolybaba* и т.п. Антропоним локализуется вплоть до южных окраин Польши — Краков, Пшеворск, Пшемысль. Фоном ему служит серия „однорядных“ образований — *Dłubibaba, Ssibaba, Kołyszababa, Liżybaba* и др. [Indeks SNO, 7], каждое из которых во всём уступает первому (число примеров, ареал и период фиксации).

„Реєстр Війська Запорозького 1649 року“ (Київ 1995) содержит ту же самую композиту в фамильных названиях 9 казаков из 6 южных полков — Брацлавского (2), Кальницкого (2) Уманского, Корсунского, Полтавского и Миргородского (2): *Колибаба* (3) и *Колибабенко* (6). Ср. в первом из полков: *Ивань Колибаба*, но диминутив и патроним — *Ивась Колибабенко* [Реєстр, 1649, 256, 243]. При этом оказывается изолированным сложение *Печибабенко: Ивань П.* (полк Корсунский) [Реєстр, 1649, 153].

Преобладание антропонима *Kolibaba / Колибаба* над „однорядными“ сложениями с *-baba / -баба* определяет его особый статус (видимо существовал и апеллятив), а география композиты — в частности, южные пределы Польши и территории Войска Запорожского — исключает всякую возможность влияния со стороны лит. *kaliboba*.

3.2. В XIX в. исследуемое сложение представлено в польском названии растения жабрей: *kolibaba, kolybaba* ‘*poziwnik, Galeopsis Ladanum L.*’ [Karłowicz, II 402].

1–3. Лит. *kálti* и праслав. **kolti*, с одной стороны, и лит. *bóba* и праслав. **baba* — с другой, относятся к общей лексике балтийских и славянских языков. Это означает, что и состоящее из соответствующих компонентов словосложение [лит. *kaliboba*, польск. *Kolibaba / kolibaba (kolybaba)* // укр. *Колибаба*] должно занять своё место в будущем „новом Траутмане“ и сравнительной дериватологии обеих групп языков.

Литература

- Būga, 1911 — K.Būga. Apie lietuvių asmens vardus. Vilnius, 1911. — Цит. по: K.Būga. Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. — pp. 201–269.
Karłowicz — Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.
LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–.
Otrębski, 1965 — J.Otrębski. Gramatyka języka litewskiego. T. II. Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965.
Skardžius, 1943 — P.Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
Słownik SNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. / Pod. red. W.Taszyckiego. Wrocław etc., 1965–1987.
Indeks SNO — Indeks a tergo do Słownika satropolskich nazw osobowych. / Pod red. A.Cieślíkovej i M.Malec. Kraków, 1993.
Реєстр, 1649 — Реєстр Війська Запорозького 1649 року. Київ, 1995.

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

Балтийские и славянские причастия (словообразовательный и словоизменительный аспект)

1. Сравнительный анализ балтийских и славянских причастий показывает, что здесь особенно ярко проявляются особенности изоглосс, которые очень часто не совпадают с языковыми границами, охватывая лишь отдельные ареалы сопоставляемых языков.

2. В фонетическом аспекте эта особенность проявляется, например, в рефлексах индоевропейских **k̑* и **g̑* в литовском языке — с одной стороны, в латышском и славянском — с другой. Ср. лит. *šāmas, žiema* и лтш. *sams, ziema*, рус. *сом(ъ), зима*. В области вокализма и.-е. **ā* также дает одинаковый результат в латышском и русском (resp. славянском): лтш. *stāt*, рус. *стать*, но лит. *stóti*.

3. В плане словообразования и словоизменения сложные „переплетения“ изоглосс в балто-славянском ареале будут показаны ниже — на примере причастий.

4. Лексические изоглоссы также не определяются границами между балтийскими и славянскими языками. Так, для рус. *корова* и лит. *kárvė* нет соответствия в латышском, а для рус. *говядо* и лтш. *gūovs* — в литовском языке. Ещё более сложная картина с лексическими изоглоссами для значений ‘кабан, боров, поросёнок, свинья’. Лтш. *vēpris* и рус. *вепрь*, но лит. *šėrnas*; лит. *pařsas* и рус. *порос(ъ)*, но лтш. *suvēns* — к ст.-слав. **свинъ** ‘свиной’, которому, в свою очередь, нет соответствия в литовском. Ср. также переносные значения: лтш. *svīns* = ст.-слав. **свинъ** ‘грязный’, лтш. *svīnot* = чеш. *sviniti*, пол. *świnić* ‘пачкать’. Таких примеров в балто-славянском ареале — достаточно много.

5. Особенно часто такие примеры встречаются в слабо изученной диалектной лексике. Так, лит. *dūdyti = dūlyti* и рус. диал. *дудить = дүлить* ‘(много) пить’ (будь то исконное родство или заимствование) отражает там и здесь известное чередование *d / l*, но не имеет соответствий в латышском языке. Напротив, лтш. *stibāt* = рус. диал. *стебать* ‘стегать, хлестать’ и производные — лтш. *stibināt* и рус. диал. *стебенить* ‘семенить, быстро идти мелкими шагами’ — без литовского соответствия.

6. В области синтаксиса такие конструкции, как именительный падеж в функции прямого дополнения при инфинитиве (тип *надо корова доить*), творительный предикативный и родительный падеж дополнения при переходных глаголах с отрицанием, — имеют широкое распространение в балтийском, а в славянских языках или являются узко диалектными формами, или допускают иные — параллельные конструкции (*звалась Татьяной* и *звалась Татьяна, я не читал этой книги* и *я не читал эту книгу*), или вообще неизвестны большинству славянских языков. Интересно отметить, что все три указанные синтаксические особенности не ограничиваются индоевропейскими языками. Соответствующие изоглоссы охватывают также западно-финские языки. Вопрос о происхождении этих конструкций и о их взаимоотношении до сих пор не имеет однозначного решения.

7. Что касается системы причастий, то между русским, литовским и латышским языками имеется очень много общего — как в плане

словообразования, так и словоизменения. И — как это ни парадоксально — современные русские причастия в этом отношении ближе к причастиям балтийским, чем к... украинским. Это объясняется утратой некоторых древнерусских причастий в украинском языке.

8. Так, активные причастия настоящего времени в украинском языке соответствуют русским адъективированным причастиям на *-уч-* (*-юч-*) и *-ач-* (*-яч-*). Причём, и эти причастия в украинском языке малопродуктивны. Соответствия же русским причастиям на *-ущ-* (*-ющ-*) и *-ащ-* (*-ящ-*) можно найти не в украинском, а в балтийских языках: и-е. **-ont-j-* / **-ent-j-* даёт рус. *-ущ-*, *-ящ-* (*ведущий, летящий*); в литовском **-ont-j-* даёт *-anč-* (род. пад. ед. числа *dirbančio*), а в латышском *-uoš-* (род. пад. ед. числа *verduoša*).

9. В плане словоизменения — парадигмы склонения активных причастий настоящего времени имеют много общего в русском и балтийских языках. Например, род. пад. ед. числа (masculinum): лит. *nėšančio*, лтш. *ņesuoša*, рус. *несуща*; дат. пад.: лит. *nėšančiam*, лтш. *ņesuošam*, рус. *несущу*; дат. пад. мн. числа (femininum): лит. *nėšančioms*, лтш. *ņesuošām*, рус. *несущим* и т.п. Иногда латышская форма оказывается ближе к русской, чем литовская: им. пад. мн. числа — лит. *nėšantys*, лтш. *ņesuoši*, рус. *несущи*. Распределение палатализованных форм суффикса в литовском (*č*) и в латышском (*š*) совпадает с делением причастий на адъективированные и не адъективированные в русском языке. Ср. *могучий* и *могущий*, *горячий* и *горящий*. Что касается литовских причастий с палатализованным *č*, то они совпадают фонетически с украинскими (хотя и малопродуктивными) причастиями.

10. Страдательные причастия настоящего времени объединяют балто-славянский ареал и противопоставляют его почти всем остальным индоевропейским языкам, где подобного типа причастия с суффиксальным *-m-* засвидетельствованы лишь единичными примерами. Ср. лит. *vėdamas*, лтш. *vēdams*, др.-рус. *ведомъ*. Осложненные местоимениями формы причастий также очень близки в русском и балтийских языках: винит. пад. ед. числа (femininum) лит. *nešamąją* = рус. *несомую* (*a* = *y*, *ja* = *ю*). В современном украинском языке пассивные причастия настоящего времени почти полностью утрачены, сохранилось лишь несколько изолированных примеров типа *знайомий*.

11. Активные причастия прошедшего времени в балто-славянском ареале образованы от нулевой ступени **-us-* суффикса **-wes-*, которая была осложнена показателем женского рода **-ī* (**-ja*). Здесь, как и у активных причастий настоящего времени, латышские формы (где палатализация *s* даёт *š*) ближе к русским, чем литовские. Например, род. пад. ед. числа (masculinum): лтш. *ņesuša* = др.-рус. *несъша*; дат. пад. ед. числа (femininum): лтш. *ņesušai* — др.-рус. *несъши*; дат. пад. мн. числа: лтш. *ņesušām(s)* — др.-рус. *несъшам* и др. У литовских причастий *s* не подвергается палатализации. В остальном и здесь формы — идентичные, ср. лит. *mirusi* и ст.-слав. *мръши*. И здесь опять современный украинский язык расходится как с русским, так и с балтийскими языками (ср. рус. *помертвевший* и укр. *помертвілий*).

12. Из двух древних индоевропейских суффиксов отглагольных прилагательных (**-to-* и **-no-*) балтийские языки в процессе формирования страдательных причастий прошедшего времени использовали только первый из

них, а славянские языки — оба суффикса. В этом отношении балтийские причастия ближе к латинским, нежели к славянским, а последние — к германским или древнеиндийским причастиям. Но это — в словообразовательном плане. Словоизменительная же балто-славянская модель (особенно — полных причастий) не имеет ничего общего ни с латинским, ни с каким-либо иным склонением причастий. Ср., например, им. пад. ед. числа (femininum): лит. *lytóji* (в диалектах также *lytója*) и рус. *-лѣмая*, винит. пад. *lytąjį* и рус. *лѣмую*.

13. Сравнительно редкие формы представляют собой активные причастия будущего времени (особенно — в славянских языках), а также *participia necessitatis*. И все же старославянский *hарах* **БЪШАЩЕК** и **БЪШЖЩЕК** вполне можно сопоставить с лит. *būsiąs*, род. пад. *būsiančio*. Оба слова восходят (в форме им. пад. муж. рода) к **bū-sjē/o-nt-įo-* (*participium futuri activi*). Близкие по значению к латинскому герундиву литовские *participia necessitatis*, кажется, не сопоставлялись со славянским материалом. Между тем, лит. *mirtinas* ‘turintis mirtį’ и др.-рус. *сѣмьртныи* ‘подлежащий смерти’ различаются между собой не более, чем лит. *mirtis* и др.-рус. *сѣмьртъ*. Лит. *būtinās* ‘обязательный’ (= ‘долженствующий быть’) имеет полное соответствие в др.-рус. *бытъныи* (*хлѣбъ нашъ бытъныи даждь намъ днесъ*).

14. О чертах сходства синтаксических функций балтийских причастий в сопоставлении с причастиями славянскими (преимущественно русскими) у нас в стране писали С.И.Груздева и В.И.Трубинский. В Литве фундаментальные труды о причастиях принадлежат В.Амбразасу. В.В.Мартынов убедительно показал исключительную близость балтийского и славянского словообразования (не только у причастий), а В.Мажюлис выявил большее, чем обычно было принято считать, сходство в системе балтийского и славянского склонения. Рассмотренные выше факты по словообразованию и словоизменению причастий в балтийских и славянских языках (на материале языков восточнославянских) убедительно свидетельствуют о высокой степени генетического родства между этими языками.

Ричардас Пяткявичюс (Вильнюс — Рига)

Склонение существительных *įjo*-основы в латышском Новом Завете 1685 г.

1. Авторы грамматик XVII века по-разному описывают существительные *įjo*-основы. П.Эйнхорн и М.Бихнер упоминают только формы единственного числа именительного и винительного падежа в примечаниях к 1-му склонению мужского рода [Einhorn, 1644–46, 6–7], хотя парадигму существительных на *-is* М.Бихнер, подобно описанию Г.Дреселя, выделяет также как 3-е склонение [Büchner, 1669–77, 94–95, 102–106; Dreszell, 1685, 74–81], Г.Адольфи рассматривает их как 2-ое склонение [Adolphi, 1685, 74–81], а Й.Лангий вообще не упоминает такого типа имена существительные [Langius, 1685, 366–367]. Лишь Г.Дресель и Г.Адольфи, дополняя первых авторов, описывают чередование согласных в склонении существительных *įjo*-основы. В грамматике современного латышского

языка, также как и в грамматике Г.Адольфи, они образуют 2-ое склонение [MLLVG-I 420–421], к которому также относятся имена существительные древней основы на согласный. К *ijo*-основам принадлежат лишь имена существительные мужского рода.

2. В словаре-индексе к изданию Нового Завета 1685 г. (далее — НЗ) встречено 46 имён существительных *ijo*-основы (в том числе одно слово *Pl.tant.* — *dubli*)¹⁵. Парадигма склонения выглядит следующим образом:

	Единственное число		Множественное число	
	Мт, Мк	Остальные кн.	Мт, Мк	Остальные кн.
N.	[taʃ] Brahl-iš Мт 10,2	taʃ Brahl-iš Лк 15,32	[tee] Brahl-i Мт 12,46 tee Augstee-Preefter-ee Мт 26,3	tee Brahl-i Деян 17,10 tee Augstee-Preefter-ee Лк 20,1
G.	[tʰa] Brahl-a Мт 7,3	[ta] Brahl-a Лк 3,19	tʰo Apustul-o Мт 10,2	to Apustul-o Еф 2,20 to Apustul-u Деян 2,42
D.	[tam] Brahl-am Мт 5,23 [tam] Mahzefl-im Мт 10,25	tam Brahl-am Иак 1,9 tam Muhr-im Отк 21,14	teem Brahl-eem Мт 20,24	[teem] Augl-eemš Лк 22,18 teem Brahl-eem Иоан 21,23
A.	[to] Brahl-i Мт 4,18	to Brahl-i 1 Кор 16,12	[tohs] Brahl-uš Мт 1,2 tohs Weef-iš Мт 22,11	tohs Brahl-uš Деян 15,1
L.	[tanni] Zep-l-i Мт 13,50	fchinn-i Dfihwofl-i 2 Пет 1,13	[tannis Dfihwofl-os]	[tannis] Dfihwofl-os Лк 16,9
V.	[tu Brahl-i] Tu Beswallod-iš Мк 9,25	[tu] Brahl-i Деян 9,17 weens Beedr-iš 2 Тим 1,8	[juhs Brahl-i]	juhs Brahl-i Евр 13,22

Многие из этих существительных имеют параллельные варианты с *o*-основой.

3. *ijo*-склонение относится к „палатальному“ типу, который характеризуется окончанием *-i* в Acc.Sg. [Fennell, 1995, 88]: в Gen.Sg. (и Dat.Sg.) и во всех падежах множественного числа происходит чередование (палатализация) конечного согласного основы, например:

I→п Brahl-iš Мт 10,2 (2×) Brahl-a Мт 7,3; Brahl-i Мт 12,46; Brahl-u Гал 2,4;
Brahl-eem Мт 20,24; Brahl-uš Мт 1,2...
Augl-iš Мт 21,19 Augl-o Мт 21,34; Augl-eemš Лк 22,18; Augl-uš Мт 3,8...

Отдельно следует выделить существительное *vies-is* (13×), которое не имеет палатализации в отличие от других существительных *ijo*-основы¹⁶:

s=s Wee-f-iš Мт 25,35 tee Wee-f-i Мт 22,8; taʃ Wee-f-o-Nams Мт 14,14;
teem Wee-f-eem Мт 22,4;
tohs Wee-f-uš Мт 22,3 // tohs Wee-f-iš Мт 22,11...

К.Карулис отмечает, что слово *viesis* раньше параллельно употреблялось как существительное *i*- и *o*-основы (**viesis* : **viesas*) [Karulis-II, 524–525]. Можно предположить, что отсутствие палатализации в склонении данного слова объясняется влиянием *o*-основы.

¹⁵ В тексте НЗ не были обнаружены существительные мужского рода, обозначающие лиц женского пола (типа *skukis*) — являющие собой специфическую черту латышского языка, — хотя они известны в народных песнях и памятниках письменности того же периода.

¹⁶ Без палатализации встречено также слово *zizlis*: taʃ Siif-l-iš Евр 9,4 — fawa Siif-l-a Евр 11,21; Siif-l-u Лк 9,3.

4. Парадигма склонения существительных *iċo*-основы в латышском НЗ (1685 г.) по существу соответствует описанию грамматик XVII в. и второму склонению современного латышского языка. Вариант парадигмы без палатализации может быть связан с влиянием параллельно употреблявшихся форм *o*-основы. Следует отметить также:

- сильное влияние местоименных окончаний прилагательных на парадигму имён существительных, что обуславливает вариативные формы в парадигме склонения рассматриваемых существительных во множественном числе: Nom.Sg. *-i* 69% (83×) и *-ie* 31% (38×), Gen.Sg. *-u* 52% (18×) и *-o* 49% (17×);
- почти полное вытеснение исконного окончания Dat.Pl. окончанием Dat.Du.: *-iems* 1% (1×) и *-iem* 99% (125×);
- варианты местоименного по происхождению окончания Dat.Sg.: *-am* 92% (22×) и *-im* 8% (2×) (ср. *tas : tam, šis : šim*);
- экспансию формы именительного падежа в сферу звательного: *-i* 62% (5×) и *-is* 38% (3×).

Отдельно нужно выделить форму Acc.Pl.: на *-us* 98% (124×) и на *-is* 2% (2×) по склонению *i*-основ.

В анализируемом материале среди существительных *iċo*-основы падежные формы по частотности располагаются следующим образом: Acc. 32% (314×), Nom. 29% (294×), Dat. 15% (148×), Voc. 12% (121×), Gen. 9% (94×), Loc. 3% (26×).

Литература

- Adolphi, 1685 — T.G.Fennell. Adolphi's Latvian Grammar. Vol. 1. Melbourne, 1993.
Büchner, 1669–77 — T.G.Fennell. Seventeenth Century Latvian Grammatical Fragments. Melbourne, 1982.
Dreszell, 1685 — T.G.Fennell. Georg Dreszell's Gantz kurtze Anleitung zur Lettischen Sprache. Melbourne, 1984.
Einhorn, 1644–46 — T.G.Fennell. Seventeenth Century Latvian Grammatical Fragments. Melbourne, 1982.
Karulis-II — K.Karulis. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. II Sēj. Rīga, 1992.
Fennell, 1995 — T.Fennells. Pirmie apraksti par palatalizāciju latviešu valodas lietvārdu deklinācijā // T.Fennells. Lingua Lettica. Raksti latviešu lingvistikā. Melbourne, 1995. — 88.–95.lpp.
Langius, 1685 — E.Blese. Nīcas un Bārtas mācītāja Jāņa Langija 1685. gada latviski-vāciska vārdnīca ar īsu latviešu gramatiku. Rīga, 1936.
MLLVG-I — Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I Sēj. Rīga, 1959.

Витаутас Римша (Каунас)

Морфология и словообразование балтских рунических надписей

В докладе приводятся данные о морфологии и словообразовании некоторых уже опубликованных балтских рунических надписей.

Слово надписи из Рейстада *jūtīngas*, по-видимому, является именительным падежом единственного числа имени прилагательного с основой на *ā*, с суффиксом *-īngas*, окончанием *-ās*. Этому слову тождественным является лит. *jūtīngas* ‘чуткий’. Слово упомянутой надписи *vak(a)ras*, по-видимому, является им. п. ед. ч. имени существительного с основой на *ā*, с суффиксом *-(a)ras*,

которому тождествен лит. *-aras* или *-ras*, с окончанием *-ās*. Можно полагать, что этому слову соответствует в особенности лит. *vākaras* ‘вечер’. Слово надписи *un[n]am*, следует полагать, является дательным п. ед. ч. указательного местоимения с основой на *ā*, с окончанием *-am*. Этому слову соответствует в особенности лит. *anam* ‘тому’. Слово надписи *vraita*, по-видимому, является 3 лицом настоящего времени глагола с основой на **-ā*, с окончанием (концом основы) *-a < *-ā*. Этому слову соответствует в особенности лит. диал. *raitā* (литер. *raitō*) ‘вычурно пишет’.

Слово надписи из Кинневеда *šis*, по-видимому, является им. п. ед. ч. указ. местоимения с основой на **ijā* или *i*, с окончанием *-is*. Этому слову тождественным является лит. *šīs* ‘сей’. Слово надписи *al(j)uk(as)* (или под.), по-видимому, является им. п. ед. ч. имени собственного или нарицательного с основой на *ā* или с какой-нибудь другой, с диминутивным суффиксом *-(j)uk(as)*, окончанием *-ās* или каким-нибудь другим. Этому слову, возможно, в особенности соответствует лит. имя *Aliukas*. Слово *al(j)uk(as)* (или под.) может быть также и диминутивом от лит. слова *alūs* ‘нуво’.

Слово надписи из Fårde *al(j)uko* (или под.), по-видимому, является родительным п. ед. ч. имени собственного или нарицательного с основой на *ā* [ср. упомянутое слово *al(j)uk(as)* (или под.)], с окончанием (удлинённым концом основы) *-o < *-ā*. Это окончание позволяет полагать, что эта надпись является также и восточнобалтской, а не западнобалтской. То, что в слове *al(j)uko* (или под.) имеется окончание *-o*, а не *-a* (ср. лтш., лит. диал. *-a*), как и др. данные, позволяет полагать, что эта надпись, как и большинство других балтских рунических надписей, является также и литовской. Можно полагать, что слову *al(j)uko* соответствует в особенности род. п. упомянутого лит. имени *Aliuko*.

Слово надписи из Schretzheim’a *Al(a)gut(is)*, скорее всего, является им. п. ед. ч. имени собственного с основой на **ijā*, *i* или др., с диминутивным суффиксом *-utis*, окончанием *-is* (или др.). Можно полагать, что этому слову в особенности соответствует лит. имя *Algutis*. Слово надписи *leuba*, скорее всего, является винительным п. ед. ч. имени существительного с основой на **-ā*, с окончанием *-a < *-an*. Можно полагать, что этому слову в особенности соответствует или даже является тождественным вин. п. ед. ч. лит. слова *liauba* ‘окончание’. Слово надписи *detun*, скорее всего, является 3 лицом сослагательного наклонения глагола с окончанием *-un*. Этому слову, по-видимому, в особенности соответствует лит. *dētū* ‘ставил бы’, также и окончанием *-ū < *-un*.

Слово надписи из Skärkind’a *skita* является, по-видимому, род. п. ед. ч. имени существительного с основой на **-ā*, с окончанием *-a < *-ā*, которое, как и в упомянутом слове *al(j)uko* (или под.), позволяет полагать, что эта надпись, как и большинство других балтских рунических надписей, является также и восточнобалтской, литовской. Этому слову тождественным является лит. диал. *skita* (ср. литер. *skito*) ‘скифа’. Слово надписи *leubas* является, скорее всего, им. п. множественного ч. имени существительного с основой на **-ā*, с окончанием *-as < *-ās*. Можно полагать, что этому слову тождественным является им. п. мн. ч. лит. диал. слова *liaubas* (ср. литер. *-os*) ‘окончания’.

Можно полагать, что надпись из Энгера образующее слово *leub* является сокращенным словом *leuba* (ср. формы этого слова в упомянутых надписях) (или под.).

Надпись из Værlose образует, возможно, имя с суффиксом *-utis*, с основой на **ijǣ* или *i*, с окончанием *-is* *Algutis*, которому тождественным является лит. имя *Algutis*, ср. упомянутое имя *Al(a)gut(is)*.

Приведенные и др. морфологические и словообразовательные данные балтских рунических надписей являются литовскими, некоторые из них — (почти) исключительно восточнобалтскими, даже литовскими. Это, как и другие данные, позволяет полагать, что большинство балтских рунических надписей являются также и литовскими.

Danuta Roszko & Roman Roszko (Warszawa)

Lietuvių kalbos veiksmažodžio formų su priesaga *-dav-* reikšmės

Veiksmažodžio formos su priesaga *-dav-* lietuvių kalboje, pvz. *sakydavo*, dažniausiai yra apibūdinamos kaip būtojo dažninio laiko reikšmių rodiklis. Siekiant sugretinti pagrindines tipiškas tų formų reikšmes, pirmiausiai atsižvelgsime į Dabartinę lietuvių kalbos gramatiką (DLKG).

DLKG autoriai vientisinių laikų veiksmažodžio formų sistemoje išskiria pagrindinę priešpriešą (opoziciją): praeitis : nepraeitas. Šiai priešpriešai priskiriamas svarbiausias ir labiausiai akivaizdus vaidmuo. Šios priešpriešos žymėtas narys yra praeties požymis, kuris nusako veiksmą, ankstesnį už kalbamąjį momentą. Būtieji laikai yra žymėtieji tos opozicijos nariai. Esamasis ir būsimasis laikas sudaro priešpriešą būtiesiems laikams ir yra apibrėžiami kaip nežymėtieji tos opozicijos nariai.

Tolimesnis skaidymas vyksta būtųjų laikų lygmenyje. Būtasis dažninis laikas yra būtojo kartinio laiko priešprieša. Būtasis dažninis laikas reiškia tik pasikartojantį, dažninį veiksmą ar būseną, pvz. *Vakarais dainuodavo. Rudeniop grįždavo į namus. Tuo tarpu būtajam kartiniam laikui priskiriama galimybė išreikšti pasikartojančias ir nepasikartojančias reikšmes, pvz. Tris ar penkis kartus užėjo pas mus. Atėjo vakar.*

Būtasis kartinis laikas yra laikomas žymėtuuju priešpriešos nariu, tuo tarpu būtasis dažninis — nežymėtuuju. Tos priešpriešos bruožas — tai kartojimas [DLKG, 291].

DLKG autoriai pastebi, kad „kadangi pasikartojimas yra ne laiko, o veiksmo pobūdžio reikšmė, būtasis dažninis laikas iš tikrųjų yra tam tikras būtojo laiko variantas, iš tradicijos laikomas atskiru laiku“ [DLKG, 291].

Į būtojo dažninio laiko visapusišką (detalų) reikšmių aprašymą įeina ir anksčiau minėta galimybė išreikšti veiksmą, kurio pasikartojimų kiekis nenusakomas. DLKG autorių nuomone nėra reikšminga, ar aprašoma būseną/įvykis vyko tolimoje ar artimoje praeityje. Didesnis dėmesys yra skiriamas būsenų arba įvykių trukmei. Kuo didesnį laiko tarpą apima veiksmo kartojimas, tuo dažniau yra naudojamos būtojo dažninio laiko formos.

Kartais veiksmažodžio formos su priesaga *-dav-* vartojamos pastovioms pasikartojančioms būsenoms arba įvykiams apibendrinti, o taip pat atliktinių reikšmių išreiškimui, pav. sudėtiniuose sakiniuose: *Močiutė duodavo saldainį, kada Silvija pažadėdavo elgtis tyliai.*

Mūsų pranešimas skirtas sakinių, kur vienoje aplinkoje (kontekste) pavartotos skirtingos veiksmažodžio formos, reikšmių lyginimui. Analizei pateiksime sakinius su veiksmažodžio formomis su priesaga *-dav-*, pvz. *dirbdavo*, ir sakinius su tokiomis formomis, kaip *dirbo*, *dirbinėjo* arba *dirbinėdavo*. Tokių gretinimų dėka galima išskirti tam tikrus veiksmažodžio formų su priesaga *-dav-* specifinius bruožus. Būtent esama priešpriešos veiksmažodžio formoms su *-inėjo*:

V-davo : *V-inėjo*

- a) pastoviai : nepastoviai (atlikti atitinkamą veiksmą, kurį nusako veiksmažodžio kamienas),
- b) pavestą (atliekamą) veiksmą atlikti sąžiningai : nesąžiningai,
- c) ilgesnis : trumpesnis laiko tarpas, skirtas pasikartojantiems veiksmams,
- d) didesnis : mažesnis pasikartojimų kiekis nusakytame laiko tarpe.

Didelės formų su *-davo*, *-inėjo* kombinacijų galimybės leidžia sudaryti tokias veiksmažodžio formas, kaip *dirbinėdavo*. Šios formos vartoseną sakinyje ir jos palyginimas su formomis *dirbinėjo* ir *dirbdavo* leidžia teigti, kad ji savo reikšme artimesnė veiksmažodžių su priesaga *-inė-* būtojo kartinio laiko formoms (*dirbinėjo*), negu formoms su priesaga *-dav-*.

Remiantis kalbine analize galima teigti, jog formas su priesaga *-dav-* linkstama pavartoti nusakant būseną aiškai nusitęsusiame laiko tarpe, kurio trukmę kartais net sunku apibūdinti. Šios formos dažnai suteikia pasakymui iškilmingumo, poetiškumo atspalvį.

Pranešime sieksime tiksliai aptarti dabartinės lietuvių kalbos būtojo dažninio laiko formas. Mūsų požiūriu, būtojo dažninio laiko formas nėra tikros laiko formas. Kaip parodoma dažnumas praeityje yra išreiškiamas tarp kitko ir būtojo kartinio laiko formomis.

Kai į kalbą žiūrime ne kaip į formų, bet kaip į reikšmių sistemą, kuri, iš vienos pusės, egzistuoja žmonių sąmonėje, iš kitos — sudaro kalbos semantinę sistemą, formas su priesaga *-dav-* galime apibūdinti kaip [1] neapibrėžtumo ir [2] kiekio reikšmių formas. Tiksliau: [1a] egzistavimo (∃), [1b] apibendrinimo (∀) ir [2] daugumo reikšmių formas.

Su formomis su priesaga *-dav-* yra susietas kalbinis nutylėjimas, pvz. *Mažam vaikeliui mama dainuodavo lopšinę* galima interpretuoti arba ‘Visada dainuodavo...’ (∀), arba ‘Kartais dainuodavo...’ (∃), arba ‘Dažnai/retai dainuodavo...’ (daugumo reikšmės).

Literatūra

DLKG — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika, Vilnius 1997.

Янис Розенбергс (Рига)

О стилистических потенциях морфологии

Во всех структурных системах (уровнях) языка (в фонетике — опосредованно) действуют одни и те же закономерности выражения основной и дополнительной информации.

Основную информацию содержат главные (первичные) компоненты значения языкового знака, а дополнительную информацию — вторичные и дополнительные значения.

Так в морфологии главный компонент грамматического значения формы выражает основную информацию, вторичный компонент — указывает на варианты, нюансы значения главного компонента, а дополнительные компоненты сигнализируют о субъективном отношении коммуникатора к объекту речи или/и адресату.

Способы реализации стилистических потенций морфологии бывают качественными и количественными. Качественные способы проявляются в виде (1) синонимии, которая тесно связана с полисемией, количественные — через увеличение или уменьшение (2) частотности данного морфологического знака языка. Кроме того, во многих типах текста художественной литературы, разговорного и публицистического стилей одним из видов проявления стилистических потенций является (3) уплотнение.

Некоторые примеры.

(1) Каждое личное местоимение имеет несколько значений. С другой стороны синонимичными могут быть значения разных форм (*Kas tev sāp — Kas Jums sāp — Kas mums sāp, Что у тебя болит — Что у Вас болит — Что у нас болит*).

(2) Частотность употребления морфологических форм может иметь стилевые свойства. Так, например, от всех употреблений личных местоимений в художественном тексте местоимение *es* 'я' имеет частотность 41,4 %, а *tu* 'ты' — 25,7 %; в свою очередь в научно-технических текстах не констатируется местоимение *tu*, а частотность местоимения *es* ниже 0,1 %.

(3) Мотивированное уплотнение (даже повторение) одного и того же морфологического явления усиливает значение данного языкового знака, и эта дополнительная информация уже маркирована.

Из вышесказанного вытекает, что морфостилистические средства бывают стилевыми и эмоционально-экспрессивными.

Первые из них информируют об обстановке акта коммуникации, участвуя в создании функциональных стилей, а вторые сигнализируют о субъективном отношении коммуникатора к объекту речи или/и адресату, указывая: а) на субъективную оценку, б) на чувство, переживание.

Эти эмоционально-экспрессивные дополнительные компоненты участвуют и в создании эмоционально-экспрессивных языковых систем, иногда называемых эмоционально-экспрессивными стилями.

Valentīna Skujiņa (Rīga)

90. gadu vārddarinājumi latviešu valodas terminoloģijā

20. gadsimta 90. gadi atšķirībā no iepriekšējā posma ir bijuši īpaši produktīvi dažādu nozaru terminu vārdnīcu sagatavošanā un publicēšanā. Proti: 10 gadus, saskaņojot ar Latvijas Zinātņu akadēmijas Terminoloģijas lēmumiem, ir publicēts vairāk par 40 dažādu nozaru terminu vārdnīcu, turklāt lielākā daļa no tām — ar terminu ekvivalentiem četrās valodās (latviešu, angļu, krievu un vācu valodā) un daudzas no tām — ar terminu skaidrojumiem. Apjomīgākās no vārdnīcām — „Ekonomikas, lietvedības un darba organizācijas terminu” vārdnīca (912 lpp. kopapjoma) un būvinženiera T.Keiva

sastādītā „Celtniecības terminu vārdnīca” (ap 41 000 terminu). Produktīvi strādājuši enerģētikas speciālisti, 10 gados publicējot divas skaidrojošās enerģētikas terminu vārdnīcas (343 un 463 lpp. apjomā), trīs tulkojošās vārdnīcas (krievu-latviešu, angļu-latviešu, latviešu-angļu vārdnīcu), kā arī vairākus ar valsts pasūtījumu saistītus izdevumus un septiņus terminu un definīciju standartus. Pie apjomīgākajām vārdnīcām pieskaitāmas arī terminu vārdnīcas aviācijas, dzelzceļa un pārtikas nozarēs. Ņemot vērā datortehnikas izvērsto lietošanu, ikdienas darbam īpaši noderīgas divas datorterminu skaidrojošās vārdnīcas (ap 3 800 terminu), kam pamatā ir attiecīgi autoritatīvākie izdevumi angļu valodā.

Salīdzināšanai: iepriekšējos 40 gados LZA Terminoloģijas komisija apstiprināja un publicēja 58 nelielus terminu biļetenus un 14 nozaru terminu vārdnīcas. Šajos izdevumos parasti doti termini latviešu un krievu valodā. Apjomīgākā 70. gados bija „Krievu-latviešu politehniskā vārdnīca” (ar 58 000 terminu).

Latviešu daudznozaru terminoloģijas straujā attīstība 20. gadsimta 90. gados bija iespējama, tieši pateicoties iepriekšējo terminoloģijas attīstības posmu iestrādei, izmantojot tos latviešu terminu strukturāli semantiskos modeļus, kas latviešu valodā tika radīti, izkopti un aktīvi lietoti dažādu nozaru terminu darināšanai, sākot jau ar 19. gadsimta otro pusi.

20. gadsimta pēdējā desmitgade raksturīga ar to, ka ir mainījusies tuvākā latviešu valodas aktīvās saskares valoda. Latviešu valodas nozaru terminu sistēma tiek pārkārtota no iepriekšējos gados dominējošās saskaņošanas ar krievu valodas terminu uz jēdzienu sistēmu uz saskaņošanu ar jēdzienu un terminu sistēmu, kas atspoguļota galvenokārt angļu valodā izdotās normatīvās publikācijās.

Saskarvalodas maiņa un ar to saistītā jēdzienu sistēmas pārkārtošana kļuva par faktoru, kas ietekmēja noteiktu strukturāli semantisko modeļu aktivizēšanos.

Tāpat kā iepriekš, jaunu terminu veidošana notiek galvenokārt uz pašas latviešu valodas leksikas un vārddarināšanas iespēju bāzes, vajadzības gadījumā izmantojot arī aizguvumus. Plašā saskare ne tikai ar vienu valodu (kā tas bija iepriekš), bet ar vairākām pasaules valodām ir devusi iespēju labāk izprast attiecīgo jēdzienu būtiskās pazīmes un precīzāk tās izteikt latviešu valodā.

Iemesli terminu jaunradei latviešu valodā 90. gados ir dažādi:

- 1) jaunu jēdzienu ienākšana, kas galvenokārt ir jaunās nozarēs, piemēram, datortehnikā;
- 2) jau agrāk pazīstamu jēdzienu izteikšana nozarēs, kur līdz 90. gadiem dominējošā bija krievu valoda, piemēram, būvniecībā, dzelzceļa terminoloģijā;
- 3) nozaru jēdzienu sistēmas pārkārtošana, tulkojot starptautiskos standartus no angļu, vācu vai franču valodas.

Dažādās nozarēs, tai skaitā datorterminoloģijā, viens no visaktīvāk izmantojamiem modeļiem ir deverbālie atvasinājumi ar piedēkli —*n-*. Parasti tie ir piedēkļvārdi: *aizkritne, atkabnis, iestatne, iesūtne, izvēlne, sadalne, saskarne, uzvedne*, arī *pretkāpnis* (ar puspriedēkli). Retāk veidoti bezpriedēkļa darinājumi: *sakne*. Šai grupai piesienas arī ar pamatvārdu *dati* saistītais atvasinājums *datne* un no *kasete* atvasinātais *kasetne*.

Daudz jaunu vārdu atvasināts ar produktīvajiem piedēkļiem —*šan-*, *-um-*, *-tāj-*, *-ēj-*: *autorēšnana, sāknēšana; iekritums; maršrutētājs, parsētājs; tvērējs*. Izmantoti darinājumi ar mazproduktīviem piedēkļiem: *datuve, asotne, pakotne; smagris*. Neparasts ir darinājums *vienums* (tas veidots ar nozīmi ‘ kaut kas viens’ — atbilstoši angļu vārdam *item* un atšķirība no termina *vienība*, kas ir sistēmas elementa apzīmējums). Arī

neparastam darinājumam valodā tomēr var atrast analogiju (tā skaitļa vārds *viens* ir ne tikai skaitļa apzīmējums, bet to lieto arī vietniekvārda nozīmē, sal.: *viens* un *daudzi*, *viens* un *kāds*, tāpēc iespējams salīdzināt šādu atvasinājumu grupu: *daudzums* — *daudzība*, *kādums* — *kādība*, *vienums* — *vienība*).

Produktīvi ir jauni vārdi ar sufiksālajām galotnēm —*e*, *-is*: *aizkave*, *atrite*, *atsvaidze*, *ienese*, *nogaide*, *piešķire*: *dzinis*, *turis*.

Priedēkļformas sastop galvenokārt deverbālos atvasinājumos. Retāk sastopami nominālas cilmes atvasinājumi ar priedēkli: *atsolis*.

Lielākā daļa jaunvārdu ir salikteni, kas iekļaujas gan jau nostiprinātos tehnisko zinātņu terminu modeļos (*joņaizsardzība*, *darbgatavība* un *darbnegatavība*; *pašgaita*; *tiešdedze*) vai citos latviešu valodai raksturīgos salikteni tipos (*brīvītīkls*, *ciparshēma*, *slāņvērpums*), gan mazāk parastos darinājumos (*kādamraide*, *zinrobots*).

Tiek darināti arī jauni īpašības vārdi (*atjaunīgs*) un divdabji (*fāzšķirts*).

Gadījumos, kad jauns vārds ir nepieciešams, bet no latviskas cilmes morfēmām to nav iespējams veidot un nav izmantojams arī aizguvums, jauns vārds tiek darināts no klasisko valodu (latīņu un/vai grieķu valodas) vārddalām: *datotēka*, *emulgants*, *programmatūra*, *reanimobilis*, *translatoloģija*.

Lai apzinātu latviešu valodā jau lietoto latīņu un grieķu cilmes vārddalū krājumu, ir sagatavota un publicēta šādu vārddalū vārdnīca, kurā doti šo vārddalū, kā arī to oriģinālformu nozīmes skaidrojumi un nepieciešamie rādītāji.

Jaundarinājumi parasti iekļaujas latviešu valodas vārddarinājumu sistēmā. Tomēr retumis sev vietu iekaro arī neparasti modeļi: *e-pasts* ('elektroniskais pasts'), *ID karte* ('identifikācijas karte').

Cenšoties līdzsvarot latviešu valodas vārddarināšanas sistēmas likumības ar jaunā laikmeta vajadzībām, latviešu valodas nozaru terminoloģijas attīstība joprojām turpinās.

Antanas Smetona (Vilnius)

Žodžių daryba Kazimiero Kristupo Daukšos rankraštinėje gramatikoje

19a. viduryje parašyta pirmoji rankraštinė lietuvių kalbos gramatika lietuviškai. Gramatikų rašymo lietuviškai tradicijos dar nebuvo, todėl kyla klausimų apie teorinę mintį, terminologijos dalykus, apie autentiškumą, sekimą, įtakas ir pan.

Manoma, kad ši gramatika mokslo akiratyje atsirado tik 1953 metais, kai ją Šlapelių archyve, Vilniaus universitete, aptiko J.Balčikonis. Apie ją yra paties J.Balčikonio pristatomasis straipsnelis, vienas diplominis darbas ir keli prof. Z.Zinkevičiaus ir mano straipsneliai. Žinoma, apie jos reikšmę ir svarbą vėlesnėms gramatikoms kalbėti nėra reikalo, nes ji nebuvo išspausdinta ir ilgą laiką net nežinoma mokslo visuomenei, tačiau kaip autentiškas 19a. kalbos paminklas, kaip svarbus gramatikos istorijos faktas ir to meto teorinės minties iliustracija turi neabejotiną vertę.

Gramatika šiuo metu tiriama visapusiškai: mėginama aprašyti jos kalbą (manoma, kad parašyta rytiečių tarmių pagrindu, bet polifonetinė rašyba gerokai visa tai supainioja), aprašyti gramatikos teorinį lygį (nustatyti, kurios mintys originalios, kurios pakartotos ankstesnių autorių, kaip visa tai telpa į to meto mokslo kontekstą ir pan.), ir pagaliau nedera pamiršti, kad tai pirmasis lingvistinis veikalas, parašytas lietuviškai —

vadinasi, mokslo kalba (metakalba) irgi įdomus tyrimų objektas. Be viso to, iš karto į akis krenta gramatikos norminamasis pobūdis. Taigi, atsižvelgdamas į konferencijos tematiką ir, aišku, tokių renginių ribojamą laiką, savo pranešime pateikiu K.K.Daukšos gramatikos žodžių darybos skyriaus analizę.

Pirmosiose gramatikose (D.Kleino, Sapūno ir Šulco, „Universitas“) apie žodžių darybą užsimenama tik probėgšmais. Kitos ikišleicherinės gramatikos irgi ne ką daugiau apie tai kalba, žinoma, vokiška tradicija turėjo įtakos kai kurių gramatikų sandarai. K.K.Daukšos gramatika greičiausiai yra sekimas lenkų kalbos gramatikomis. Tačiau jis dar mokėjo rusų kalbą, tikriausiai buvo matęs vokiečių ir lotynų kalbų gramatikas, spėju, kad latvių ir čekų kalbos jam nebuvo visiškai svetimos. Visa tai galėjo daryti įtaką ir jo gramatikai.

K.K.Daukšos gramatikoje žodžių darybai yra skirtas atskiras skyrius, pavadintas *Apie tajsimų vienos dal'os kalbos iš kitu*. Pirmoji dalis apie daiktavardžių darybą — *Apie tajsimų dajktiniku lapningu iš dajktininku abe_alnu (paprastin'u)*. Čia kalbama apie daiktavardžių priesaginę darybą — išskirtinai apie mažybinių daiktavardžių. Paskutinis darybos tipas imamas būdvardžių, bet tas supainiojimas visiškai dėsningas, nes visoje gramatikoje stengiamasi kabėti apie vardažodį, o ne apie daiktavardį ir būdvardį atskirai. Iš esmės čia yra aprašyta pagal darybos kategoriją ir suskirstyta pagal darybos tipus. Štai keli pavyzdžiai:

Daržas, daže_alis; ožis, ože_alis; arklis, arkle_alis; sunus, sune_alis; žmogus, žmoge_alis; šuva, šune_alis; dyntis, dynte_alis; galva, galve_ale_a; dede_a, dede_ale_a; rikšte_a, rikšte_ale_a; akis, ake_ale_a; avis, ave_ale_a; avinas avinelis; žilvitis, žilvitelis; karal'us, karalelis; akmu (akmuo), akme_anelis; menū (menuo), mene_aselis.

Avin'ukas, brol'ukas, šun'ukas, sun'ukas, dunt^cukas, gajd^cukas.

Rynka — runkite_a, Dede_a — dedite_a, karve_a — karvite_a, avis — avite_a, dukte_a — duktite_a, arba dukte_arite_a arba duk'rite_a.

Antroje dalyje kalbama *Apie tajsimų dajktiniku iš kitų dal'u kalbos*. Čia jau pereinama prie darybos lizdų aprašo. Įdomu tai, kad pradedama vėl nuo daiktavardžių darymo iš daiktavardžių (ankstesnis skyrius irgi apie tai — stinga nuoseklumo) — iš *broł'o* — *brołenas, bralajt^ca, broł'ukas, brole_alis, brołite_a, brołiste_a* ir t.t. Toliau minima daiktavardžių daryba iš būdvardžių — iš *did^co* — *didibe_a, didumas, didume_a, didume_ane_a, did^cunas, did^culis*, įvardžių — iš *manies, tavies maniškis, taviškis*, veiksmažodžių — *rašiti rašalas, rašiklas, rašiklis, rašilas, rašimas, rašitojas, rašituvas, rašituve_a, raštas, raštinikas*,rieveiksmių — iš *unksti unktumas*, jungtukų(!) — iš *kad ejna kadaį, kad^ca* ir jaustukų — iš *ajman' ejna: ajmana, ajman'a*.

Kita dalis *Apie tajsimu pripultininku iš kitu dal'u kalbos*. Čia pasakoma, kad būdvardžiai daromi iš daiktavardžių, būdvardžių, įvardžių, dalyvių, veiksmažodžių,rieveiksmių, prielinksnių ir jaustukų. Duodama pavyzdžių, bet nekomentuojama.

Dar viena dalis *Apie tajsimu žod^cu iš kitu dal'u kalbos*. Šiame skyriuje pademonstruojama, kad veiksmažodžiai daromi iš daiktavardžių, būdvardžių, įvardžių, veiksmažodžių,rieveiksmių, prielinksnių, jaustukų. Tiek apie priesaginę darybą.

Kitas didelis skyrius apie sudurtinius žodžius — *Apie išre_ajšk'us sudetin'us*. Ten minimi sudėtiniai daiktavardžiai — *Vilkažole_a, vilkžole_a, Vilko žole_a, Miškažmogis Miško žmogus, Balpuše_a, Balos pušis, apirašas(!), atarašas(!), palavke_a(!), Šienapjuvis, šienpjuvis, Šieno pjovejas, pjavtojas*, būdvardžiai — *Linažiedis, šunaširdis, baltaplavkis*, ir

veiksmāzodžiai — *pravard^c'uoti, piktažod^c'uoti*. Sudurtiniai žodžiai suklasifikuojami pagal tai, iš ko jie padaryti.

Taigi matome, kad žodžių darybos sistema gana sudėtinga. Tiesa, joje yra prieštaravimų, kai kur aiškiai pavyzdžių per mažai, yra keletas klaidingai suvokiamų darybos dalykų. Atkreiptinas dėmesys į tokius aspektus.

Įdomu, kad sudurtiniais daiktavardžiais, padarytais iš sudurtinių veiksmāzodžių, laikomi tokie žodžiai *apirašas, atarašas, ažurašas, irašas, išrašas, parašas; pe_arrašas, prirašas, surašas, užrašas*, arba daiktavardžio ir prielinksnio junginiai *pamiške_a, palavke_a, paupe_a; apinaktis, apižiemis; priesienis*. V.Urbutis teigia, kad prefiksacija istorinėje gramatikoje kartais laikoma kompozicijos rūšimi. Būtent taip yra K.K.Daukšos gramatikoje. Ir tai turi racionalų grūdą, jei nepainiosime, griežtai atskirsime darybos pamatą ir darybos formantą bei susitarsime, kad darybos būdas nusakomas pagal formantą, o ne pagal pamatą. Tai turėtų būti priimtina ir sinchroninei kalbotyrai.

Visa terminija, iš esmės, versta iš lenkų kalbos, dažniausiai kalkės — *kalbos dalies taisyimas* — *formowanie części mowy, išre_ajšk'aj sudetin'aj, pat^cbalse_a, subalse_a, pripultinikas* ir t.t.

Apie priesaginę darybą kalbama ne apskritai, o išvelgiama, kad kiekvienos kalbos dalies priesaginė daryba yra savita ir kalbėti reikia apie kiekvieną atskirai.

Sudurtiniai žodžiai irgi suskirstomi ir aprašomi pagal kalbos dalis: sudurtiniai daiktavardžiai, sudurtiniai būdvardžiai ir sudurtiniai veiksmāzodžiai. Mėginama nustatyti darybinę reikšmę. K.K.Daukša mano, kad tarp kai kurių sudurtinių daiktavardžių ir dviejų žodžių junginių yra šioks toks reikšmės skirtumas, nelaiko jų sinonimais — *Šunpedis, šuntakis Šunies pedas, šunies takas* — žodžių junginys yra nežymėtasis narys, o sudurtinis neigiamos konotacijos. Nusako darybines reikšmes žodžių su pasikartojančiais komponentais *galas, puse_a, pus'av, vidus*. Įdomiai apibendrinta priešdėlinių daiktavardžių tikslinamoji (vietos ir laiko) reikšmė: jie *žinklina artumų sudetin'o prie n'e_asudetin'uj e_asynt^c'o k.š. pamiške_a, palavke_a, paupe_a; apinaktis, apižiemis; priesienis*.

Žinoma, dar nesuvokiama kai kurių porų darybos kryptis, t.y. matoma, kad darybinis ryšys yra, o kas iš ko padaryta — nesuprasta. Nėra jokio pagrindo kildinti iš prielinksnio būdvardį arba iš prieveiksmio daiktavardį arba būdvardį taip, kaip tai daro gramatikos autorius. Taip pat nemaža aiškiai skirtingų darybos būdų neskyrimo (*pamiške_a — parašas — nūsaviste_a*).

Visiškai neminima galūninė daryba.

Vilma Šaudiņa (Daugavpils)

Vārddarināšanas un morfoloģiskās īpatnības J.Kulitāna „Gārseniešu dialekta vārdnicā”

1. Lietuvas pierobežas izloksnēs būtībā izpaužas divu radniecīgu valodu sociālā sadzīve. Lingvistiskais un socioloģiskais aspekts ir ļoti cieši saistīti un nosaka viens otru, tomēr ļoti nozīmīgi ir arī vēsturiskie apstākļi.

Statistikas ziņas par Latvijas iedzīvotāju etnisko sastāvu ir tikai kopš 19. gs. otrās puses. Tās rāda, ka Lietuvas pierobežas Sēlijas pagastos dzīvojuši pat līdz 20 % lietuviešu, bet ir ziņas, ka Gārsenes pagasta iedzīvotāji ģimenē runājuši

austrumlietuviešu izloksnē, bet ārpus mājas — latviešu literāro valodu vai tuvāko kaimiņu izloksni. To, ka Gārsenes iedzīvotāji ir pārlatvinājušies, apstiprina arī etnogrāfu ekspedīcija 50. gadu sākumā un dialektologu ekspedīcija 1960. gadā.

Grūti spriest, kā šis process norisinājies, taču Nacionālajā bibliotēkā ir saglabājusies liecība par Gārsenes lietuviešu izloksni — Jāņa Kulitāna divvalodu tulkojošās „Gārseniešu dialekta vārdnīcas” rokraksts.

2. Daļa fonētisko un morfoloģisko iezīmju rāda Gārsenes lietuviešu izloksnes tuvību Utenas izloksnei, kas ir kaimiņizloksne Lietuvā. Tā lietuviešu literārās valodas piedēklim *už-* Gārsenes lietuviešu izloksnē atbilst *až-* vai *ažu-*, kas ir raksturīgs Lietuvas austrumdaļas izloksnēm.

Gārsenes lietuviešu izloksnē ir atšķirības arī verbu piedēkļos. Lietuviešu literārās valodas piedēklim *-o-* izloksnē atbilst *-ā-*. Tomēr, ja zilbe ir uzsvērtā, daļa verbu ir ar izskaņu *-ot-* (tāpat kā literārajā valodā). Dažos gadījumos iespējama latviešu valodas ietekme.

Vārdnīcā fiksēts arī austrumaukštaišiem raksturīgais trešās personas vietniekvārds *ana* ‘viņa’.

Lietuvas austrumizloksnēs lieto lokāmus piederības vietniekvārdus *manas*, *tavas*, *savas*, savukārt Gārsenes lietuviešu izloksnē šīs formas ir *manā*, *tavā*, *savā*.

Dzimtes kategorija kā nomināla kategorija vispatstāvīgākā veidā izpaužas lietvārdos. Vārdnīcā fiksēto lietvārdu vēsturiskie celmi parasti sakrīt ar lietuviešu literāro valodu, bet daļai vārdu atšķiras galotnes, piemēram, *o*-celmu lietvārdiem galotne *-s*; *ē*-celmu lietvārdiem galotne *-e* un *iļo*-celmiem galotne *-is* iespējams ir radusies latviešu valodas ietekmē.

Līdzskaņu celmu lietvārdi ieguvuši galotni *-a*, ja zilbe ir uzsvērtā, un *-ā*, ja tā ir neuzsvērtā. Līdzīgi arī austrumaukštaišu izloksnēs tiek pārveidotas līdzskaņu celmu lietvārdu vienskaitļa nominatīva galotnes — vai nu *-ua* vai pat pusgarš *-a*.

Atsevišķiem lietvārdiem vērojamas skaitļa svārstības, piemēram, vārdnīcā ir fiksēta vienskaitļa forma *duļkē* ‘puteklis’.

Vārdnīcā ir fiksētas verba infinitīva un divdabju formas. Tiešo verbu formas nenoteiksmē beidzas ar *-t*, atgriezenisko ar *-tis*, piedēkļverbos refleksīvais elements atrodas starp sakni un piedēkli, piemēram, *brist*, *kraut*, *melstis*, *atsidust*, *nusigust*.

3. Pēc A.Martinē domām, kontaktējošo valodu struktūru pilnīga neatkarība acīmredzot ir izņēmums tāpēc, ka tā prasa no divvalodīga indivīda tik mērķtiecīgu darbību, uz kādu reti kāds ir spējīgs, īpaši ilgākā laika posmā. Lielākas izredzes abu valodu struktūrām saglabāties neskartām ir tad, ja abām kontaktvalodām ir vienāds prestižs un ja tā ir individuāla divvalodība. Taču uz Gārsenes izloksni tas nav attiecināms.

Valodu mijiedarbe (jeb interference) var notikt visos valodas līmeņos, taču ne vienlaicīgi. Tā ir aksioma, ka visbiežāk interferencei ir pakļauta leksika. U.Veinreihš uzsver, ka morfoloģija citas valodas ietekmei tiek pakļauta pēdējā.

Tā kā J.Kulitāna vārdnīcā kopumā vērojama liela latviešu valodas ietekme (īpaši leksikā, arī fonētikā), domājams, ka šeit fiksēts pārejas posma stāvoklis, kad interferencei zināmā mērā jau ir pakļauta arī gramatiskā struktūra.

Janina Švambarytė (Šiauliai)

Poriniai ištiktukai darybos ir linksnių adverbializacijos požiūriu

Lietuvių kalbos ištiktukais paprastai imituojame veiksmo ypatybes. Norėdami kiek sustiprinti akustinį, optinį ar sensualų išorinio veiksmo vaizdą, galime vartoti ne pavienį formantinį ištiktuką, o jų porą, sudarytą iš panašių (bet ne vienodų) narių. Porų dėmenys skiriasi:

- 1) šaknies balsio kokybe: *bim bam, bruzdu brazdu, pykšt pokšt*;
- 2) žodžio pradžios priebalsiu: *čyru vyru, kildu bildu, tekšt plekšt*;
- 3) priešdėliu: *šmakštum pašmakštum, terkšt paterkšt, kapt pakapt*;
- 4) reduplikuotu dėmeniu: *cin cilin, cap carap*;
- 5) skirtingais poros komponentais, kurių tik žodžio galas vienodas: *lupū plakū, tabalai makalai*.

Mokslininkų pastebėta, kad yra ištiktukų porų, vartojamų tarsi „su prieveiksmiu, panašiu į daugiskaitos įnagininką, ir sudarančių su juo grupę, neskiriamą brūkšneliu, pvz.: *báldu báldais, cùpu lùpais, pùrtu pùrtais*“ [Jašinskaitė, 1975, 41]. Šie junginiai labai panašūs į kalboje esantį stiprinamąjį kilmininką, sudarytą iš daugiskaitos genityvo ir nominatyvo (šiuo atveju — instrumentalia) linksnių. Tokios konstrukcijos adverbializacija itin ryški, pvz.: *mėnesių mėnesiais (seniai, ilgai) nerašo, pulkų pulkais (daug) suvažiavo*.

Kalbininkų nuomonės dėl pastarosios ištiktukų poros darybos išsiskiria: vieniems tai įnagininko linksnio sustabarėjimas (Zinkevičius, Urbutis), kitiems — galimas tam tikras darybos būdas (Ulvydas). Iš tiesų, minėtos poros ne tiek imituoja veiksmą, kiek nusako jo kokybę:

1. *Tišku taškais eina arklys par purvyną* Trk. LKŽ XVI 444.
2. *Ta ežia padaryta krivų krivais* Vks. LKŽ VI 658.
3. *Žiurkės pùrtu pùrtais išbėgiojo iš trobos* Mšk. LKŽ X 983.

Kiekviena tokia pora žodyne turi vis kitą nuorodą: 1. — interj.; 2. — ✧ (ženklas idiomoms išskirti); 3. — adv. Tai rodytų, kad žodžių junginiui yra būdinga:

- 1) tam tikras semantinis vientisumas;
- 2) tos pačios šaknies kartojimas;
- 3) pirmojo dėmens žymėjimas;
- 4) ryškus prieveiksmėjimas.

Išvardytos ypatybės vestų prie minties, jog Šiaurės ir dalies Vakarų Lietuvos gyventojų dažniausiai vartojama ištiktukų pora greičiausiai sudaryta pagal stiprinamojo kilmininko modelį, kuris vėliau galėjo tapti tam tikru porinių ištiktukų darybos būdu.

Literatūra

Jašinskaitė, 1975 — Lietuvių kalbos ištiktukai. Vilnius, 1975.

Содержание

От редактора	3
Конференции по балтистике в СПбГУ	4
А.В.Андронов (Санкт-Петербург). Статус инструменталиса в современном латышском литературном языке (к постановке вопроса).....	5
M.Baltiņa (Ventspils). Vārddarināšanas varianti un vārddarināšanas standarti latviešu rakstu valodā.....	7
А.Баньгере (Рига). Анаптикса на грани морфем в неопределённой форме глагола	8
Р.Бацявичюте (Вильнюс). Противопоставление двух типов <i>-i</i> во флексии существительных	9
S.Berg-Olsen (Oslo). The role of morphological homonymy in the development of case patterns in Latvian	10
А.Брейдак (Рига). Один архаизм в народных песнях восточной Латвии: индоевропейские истоки.....	12
О.Бушс (Рига). Суффикс <i>-uk-</i> в латышском языке	14
Б.Вимер (Констанц). Префиксация диффузных глаголов в литовском языке	15
P.Wójcik (Warszawa). 1Pl Present tense forms and deontic modality in Lithuanian	17
A.Vulāne (Rīga). Galotnes funkcijas latviešu valodā.....	17
I.Greitāne (Rīga). Latviešu valodas tekstu datorizētas morfoloģiskās apstrādes metodes	18
И.Диманте (Рига). Транспозиционные возможности латышских адвербов (на примере лексемы <i>vīrsū</i>)	19
М.В.Завьялова (Москва). Некоторые грамматические особенности текстов литовских заговоров, отражающие их прагматику.....	21
E.Zaikauskas (Vilnius). Performatyvumo gramatiškumas, leksiškumas ir pragmatiškumas	22
A.Kalnača (Rīga). Opozīcija <i>dzīvs / nedzīvs</i> mūsdienų latviešu valodā	24
С.Клявиня (Рига). Продуктивность и употребительность аффиксов латышского языка	25
V.Kuzina (Rīga). Latviešu valodas vārddarināšanas vienību statistiskā analīze.....	26
V.Lazauskaitė-Ragaišienė (Vilnius). Dėl priesagos <i>-ynas</i> vedinių kirčiavimo pietinėse aukštaičių tarmėse	26
L.Leikuma (Rīga). Morfoloģiskās savdabības pirmajā Sanktpēterburgā izdotajā latgaliešu grāmatā	28
K.Levāne (Rīga). Latviešu valodas morfoloģiskās marķēšanas izstrāde	29
I.Lokmane (Rīga). Vārdformas gramatisko nozīmju loma teikuma sintaktiskajā struktūrā	31
А.Ляускайте (Вильнюс). К вопросу об акцентуации композитов в южно-аукштайтском диалекте	31
Р.Макаре (Рига). Источники синонимии в морфологии	33
V.Metuzāle-Kangere (Stockholm). Conjugation and Derivation. A Theoretical View of Latvian Verb Morphology	34
Э.Милчонока (Рига). Варианты форм настоящего времени глаголов с суффиксом <i>-in-</i> в тексте фрагмента „Lettische Postill“ (1654) Г.Манцеля	35
A.Mitreviča (Rīga). Gramatikas mācīšana komunikatīvi latviešu valodas kā otrās valodas arguvē	37
А.П.Непокупный (Киев). Лит. <i>kaliboba</i> ‘четвёртый муж’ как лексико-словообразовательный реликт и его соответствие в славянских языках	38
Ю.В.Откупщиков (Санкт-Петербург). Балтийские и славянские причастия (словообразовательный и словоизменительный аспект)	40
Р.Пяткявичюс (Вильнюс — Рига). Склонение существительных <i>iċo-</i> основы в латышском Новом Завете 1685 г.	42
В.Римша (Каунас). Морфология и словообразование балтских рунических надписей	44
D.Roszko & R.Roszko (Warszawa). Lietuvių kalbos veiksmažodžio formų su priesaga <i>-dav-</i> reikšmės	46
Я.Розенберг (Рига). О стилистических потенциях морфологии.....	47
V.Skujņa (Rīga). 90. gadu vārddarinājumi latviešu valodas terminoloģijā	48
A.Smetona (Vilnius). Žodžių daryba Kazimiero Kristupo Daukšos rankraštiniėje gramatikoje	50
V.Šaudiņa (Daugavpils). Vārddarināšanas un morfoloģiskās īpatnības J.Kulitāna „Gāršniešu dialekta vārdnīcā”.....	52
J.Švambarytė (Šiauliai). Poriniai ištikukai darybos ir linksnių adverbializacijos požiūriu	54